Правила соблазна

Автор:
Кэролайн Линден

Правила соблазна

Кэролайн Линден

Очарование (АСТ)

Великолепный Энтони Гамильтон покорил сердце юной Селии Риз, только-только делавшей первые шаги в лондонском свете, и сам был готов поступиться ради нее холостяцкой свободой. Однако родители девушки, пришедшие в ужас от одной мысли выдать дочь за самого скандального из столичных повес, быстро подобрали ей более респектабельного супруга.

Однако несколько лет спустя Энтони вновь встречает Селию – теперь уже не робкую девочку, а блистательную вдовствующую леди Бертрам, – и былая страсть вспыхивает в нем с новой силой. Пусть она, кажется, все забыла и стала к нему равнодушна, Гамильтон не теряет надежды, ведь прекрасно знает, как очаровывать женщин…

Кэролайн Линден

Правила соблазна

Глава 1

Появление на свет Энтони Гамильтона сопровождалось скандалом, и с тех пор именно скандал стал постоянным спутником его жизни.

Он был единственным ребенком графа Линли, но считалось почти доказанным, что графу он не сын. Леди Линли, будучи намного моложе мужа, не могла родить в первые десять лет брака, а затем, как гром среди ясного неба, произвела на свет крепкого, красивого мальчика, ни капли не похожего не только на лорда Линли, но и на Гамильтонов. Линли не отрекся ни от жены, ни от ребенка, но тот факт, что леди Линли и ее сын бо?льшую часть времени проводили вдали от Линли-Корта, казался всем доказательством… чего-то.

К тому же Энтони Гамильтон был еще и необузданным мальчишкой. Его выгнали ни много ни мало из трех школ, в основном за драки, но один раз за то, что он жульничал, играя с профессором в карты. В рекордно короткое время завершив свое обучение в Оксфорде, он осел в Лондоне, чтобы вести там жизнь, которую окружающие считали исключительно порочной и безнравственной. В это же время молодой Гамильтон принял решение больше не пользоваться своим титулом, не позволяя называть себя виконтом Лангфордом, как подобало наследнику Линли, и настоял на том, чтобы стать просто мистером Гамильтоном. Все это в сумме с регулярными появлениями за игорными столами с очень высокими ставками и неиссякаемой вереницей богатых вдов и матрон, в обществе которых его часто замечали, красило репутацию молодого джентльмена в самые темные оттенки, и делало его человеком неисправимо безнадежным, что очень восхищало и завораживало высшее общество.

Однажды Энтони Гамильтон во время игры в кости поставил все, что имел, включая одежду, и каким-то образом ушел с небольшим состоянием в кармане. Печальную славу приобрело его сомнительное пари с леди Николс, завершившееся тем, что во время бала в Карлтон-Хаусе она отдала молодому Гамильтону свои бесценные рубины. Был случай, когда сэр Генри Милтон обвинил сына графа Линли в том, что леди Милтон носит во чреве его ребенка; мистер Гамильтон лишь улыбнулся, пробормотал что-то на ухо сэру Генри, и весь следующий час эти двое провели за бутылкой вина и выглядели как закадычные друзья. Ходили слухи, что как-то вечером Энтони Гамильтона едва не забрали в тюрьму Флит, а на следующий день он оказался богат, как Крез. Молодой человек был крайне противоречив, а его скрытность лишь подогревала интерес сплетников. Для такого испорченного джентльмена он был на удивление осторожен и сдержан.

Селия Риз слышала все эти истории. Несмотря на предостережения матери, во время своего первого сезона в Лондоне Селия полюбила сплетни, и казалось, что все они так или иначе касались Энтони Гамильтона. Может, он и не был самой

скандальной личностью в Лондоне, но точно имел наиболее безнадежную репутацию из всех, кого она знала, и, разумеется, его подвиги казались ей крайне занимательными.

Энтони дружил с ее братом Дэвидом столько, сколько Селия себя помнила, и часто приезжал на школьные каникулы в Эйнсли-Парк, фамильное имение Ризов. По мере того как дурная слава Энтони росла, его визиты становились все реже, а потом и вовсе прекратились. Селия подозревала, что ее мать запретила Энтони их навещать, но все равно тепло вспоминала мистера Гамильтона, относясь к нему почти как к брату. Он привязывал ей леску к удочке, помогал запускать воздушных змеев, и ее очень забавляло, что теперь юные леди боятся пройти мимо него в одиночестве – настолько он считается порочным.

Естественно, наличие подобной репутации означало, что Селия больше никогда не увидит мистера Гамильтона. Ее мать, Розалинда, регулярно напоминала, что порядочные молодые леди не должны иметь ничего общего с порочными джентльменами. Селия с трудом воздерживалась от замечания о том, что ее собственный брат такой же необузданный молодой человек, как и мистер Гамильтон, но в основном она слушалась мать. Ее первый сезон проходил чудесно, и Селии не хотелось испортить его, и тем более она совсем не желала быть отправленной обратно в Эйнсли-Парк из-за общения с безнравственным джентльменом.

К счастью, в обществе хватало других молодых людей, и она могла выбирать. Будучи дочерью, а теперь сестрой герцога Эксетера, Селия считалась завидной партией. Граф Каррик еженедельно присылал ей лилии. Сэр Генри Эйвеналл дарил розы. Герцог Уэр несколько раз приглашал на танец, виконт Грейвз сопровождал на прогулке в парке, а лорд Эндрю Бертрам посвящал Селии сонеты.

Сегодня, к примеру, к ней проявил внимание лорд Юстон. Красивый молодой граф с имением в Дербишире и солидным состоянием – завидный жених. Кроме того, он превосходный танцор, а Селия любит танцевать. Когда лорд Юстон подошел в третий раз, она улыбнулась.

– Леди Селия, я бы хотел пригласить вас на танец. – Джентльмен изящно поклонился. У него и манеры превосходные.

Селия вспыхнула. Он же должен понимать, что она больше не может с ним танцевать!

– Право же, сэр, думаю, я вынуждена отказать.

Он не выглядел ни разочарованным, ни удивленным.

– Полагаю, вы правы. Не согласитесь ли, в таком случае, прогуляться со мной по террасе?

Прогуляться по террасе – наедине с джентльменом! Селия посмотрела на мать, стоящую в нескольких футах. Розалинда, наблюдающая за ними, едва заметно кивнула, одобрительно посмотрев на лорда Юстона. Желудок у Селии сразу подскочил – она еще никогда не прогуливалась наедине с джентльменом. Селия извинилась перед подругами (все, как одна, смотрели на нее с завистью) и взяла лорда Юстона под руку.

– Для меня честь, что вы согласились прогуляться со мной, – сказал он на выходе из бального зала.

– Я очень рада, сэр. – Селия улыбнулась, но лорд Юстон лишь кивнул, не сказав больше ни слова.

Они прошли через открытые двери и их окутал восхитительно свежий и прохладный ночной воздух. Однако, вместо того чтобы остаться у дверей, лорд Юстон направился дальше, увлекая Селию к противоположному краю террасы, где было темнее и меньше народа, точнее говоря, почти безлюдно. Сердце девушки замерло. Что он собирается сделать? Еще ни один из поклонников не целовал ее. Нельзя сказать, чтобы она особенно благоволила лорду Юстону, но, если он попытается поцеловать ее, это будет по-настоящему лестно. И пожалуй, уже пора набираться опыта в поцелуях.

Любопытство Селии разгорелось, она украдкой посмотрела на кавалера. В лунном свете он еще красивее, подумала Селия, пытаясь вообразить, как его губы прижимаются к ее. Будет приятно или неловко? Должна ли она вести себя скромно и застенчиво или, наоборот, нужно проявить инициативу? И вообще, стоит ли ему позволять подобные вольности?

– Я должен вам кое-что сказать. – Селия облизнула губы, все еще решая, позволять ли поцелуй, но лорд Юстон даже не качнулся в ее сторону.

– Леди Селия, – начал он, положив руку на сердце. – Я должен вам сказать, как сильно я вас обожаю.

Этого она не ожидала.

– Э-э… в самом деле?

– С того момента, как мы впервые встретились, я думаю только о вас, – продолжил лорд все с бо?льшим пылом. – Судьба возобладала над моей волей. Размышления унизят мою любовь, что расцвела с первого взгляда. – Он взял Селию за руку и выжидающе посмотрел на нее.

– Я… я польщена, сэр, – произнесла она после долгой паузы.

– И вы меня тоже обожаете? – спросил лорд Юстон.

Селия в замешательстве широко открыла глаза.

– Я… ну, дело в том… я… – Она откашлялась. – Что?

– Вы меня? – повторил он с пугающей настойчивостью.

Нет. Конечно, не обожает. Он привлекательный и танцует хорошо, и, может быть, она позволила бы ему поцеловать себя в щечку, но обожать его… Нет. Селия уже пожалела, что разрешила этому джентльмену привести себя сюда. Что, скажите на милость, ей теперь делать?

– Лорд Юстон, я не думаю, что нам приличествует говорить об этом…

Она легонько попыталась высвободить руку, но он не отпускал.

– Если признаться вам мешает девичья скромность, я пойму. Если вы опасаетесь неодобрения семьи, я тоже пойму. Вам достаточно сказать одно-единственное

слово, и я буду ждать вас тысячу лет!

– О, пожалуйста, не надо! – Селия потянула руку сильнее, но лорд Юстон сжал крепче.

– Или вы можете сказать другое слово, и тогда мы с вами обратимся к его светлости прямо сейчас. Мы сможем пожениться еще до конца сезона, дорогая моя леди Селия.

– О, но… но мой брат уехал из города, – сказала она, пятясь назад. Юстон шел следом, притягивая девушку к себе и теперь удерживая ее ладонь двумя руками.

– Я нанесу ему визит сразу же, как только он вернется.

– Лучше не стоит, – прошептала Селия.

– Ваша скромность покоряет меня. – Лорд Юстон наклонился, лихорадочно сверкая глазами.

– О боже…

– Милейшая Селия, позвольте изведать бессмертие в вашем лобзанье!

Девушка поморщилась и отвернулась. Она больше никогда не будет танцевать с лордом Юстоном! Какой же будет гадкий первый поцелуй.

– Добрый вечер, – прозвучал внезапно чей-то голос.

Лорд Юстон немедленно отпустил спутницу, отскочил назад и резко повернулся. Селия спрятала руки за спину, охваченная внезапным ужасом от содеянного. Боже, она одна, в темноте, с холостым мужчиной – да если их тут застанут, она погибла!

– Дивный вечер, правда? – произнес Энтони Гамильтон, подходя к ним. В каждой руке он держал по бокалу шампанского.

– Да, – нехотя выдавил из себя Юстон.

Селия закрыла глаза. Ее окутало волной облегчения, едва она увидела своего спасителя. Уж он-то точно все поймет и не станет поднимать шума.

– Леди Селия. Как приятно снова видеть вас. – Энтони Гамильтон улыбнулся так, словно знал, чему помешал, и находил это чрезвычайно забавным.

– Мистер Гамильтон, – пробормотала она, приседая в реверансе.

Какое-то время все трое стояли в неловком молчании.

– Нам следует вернуться в зал. – Лорд Юстон протянул девушке руку, подчеркнуто не смотря на Гамильтона.

– Нет! – воскликнула Селия, не подумав. Юстон удивленно застыл. Она покраснела. – Я вернусь через минуту, сэр, – уже вежливее произнесла Селия, судорожно придумывая отговорку, чтобы не идти с ним. – Воздух такой свежий и прохладный.

– Да, – хмуро согласился Юстон. Теперь он выглядел совсем не таким красавчиком. – Да. Понимаю. Доброго вам вечера, леди Селия.

Она пробормотала что-то в ответ, отчаянно желая, чтобы он поскорее ушел.

– Доброго вечера, Юстон, – добавил мистер Гамильтон.

Молодой граф дернулся, бросив подозрительный взгляд на Гамильтона.

– Доброго вечера, сэр. – Юстон еще немного поколебался, с глубочайшим разочарованием посмотрел на недавнюю спутницу и ушел.

Селия повернулась и оперлась обеими руками о балюстраду, окружающую террасу. Святые небеса! Все вышло совсем не так, как она ожидала. Почему мама одобрила его?

– Это, – произнес мистер Гамильтон, облокотившись на балюстраду рядом с девушкой, – было самым худшим предложением руки и сердца из тех, что мне довелось слышать когда-либо.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Но в следующее мгновение не выдержала и прыснула со смеху.

– Наверное, вы слышали все, что он говорил?

– Похоже на то, – согласился Энтони. – Включая ту часть, что он украл у Кристофера Марло.

– Нет! Правда? – ахнула Селия. Гамильтон усмехнулся, и она тяжело вздохнула. – Только никому не рассказывайте!

– Конечно, нет, – оскорбленно отозвался он. – Я бы сгорел со стыда, сказав подобное. Это может погубить мою репутацию. – Селия снова засмеялась, и он улыбнулся. – Не хотите шампанского?

– Спасибо. – Она взяла протянутый бокал и с удовольствием сделала глоток.

Гамильтон поставил второй бокал на балюстраду и принялся рассматривать темнеющий сад.

– Значит, вы не намеренно довели Юстона до такого состояния?

– Не говорите глупостей. – Селия фыркнула, но тут же вспомнила, что леди так не делают. – Я бы в жизни не вышла с ним сюда, если бы подозревала, что он собирается делать предложение.

– А почему вышли? – Гамильтон посмотрел на нее открытым и спокойным взглядом, буквально приглашающим к откровенности.

Селия вздохнула и отпила еще шампанского.

– Он превосходный танцор, – сказала она.

– И невыносимый зануда, – добавил Энтони Гамильтон.

Селия потрясенно посмотрела на него, затем снова рассмеялась.

– С вашей стороны ужасно говорить подобные вещи, но… но… пожалуй, вы правы.

– Пожалуй, – пробормотал он.

– А сейчас лорд Юстон, наверное, рассказывает обо всем моей матери. – Селия вздохнула. Одно дело – выйти на террасу с джентльменом с разрешения матери, и совсем другое – остаться в темноте с мужчиной, не говоря уже о том, что это скандально известный повеса, которого мать решительно не одобряет. – Мне нужно вернуться в зал.

– Так вы что, хотели с ним поцеловаться?

Селия замерла. Гамильтон все еще смотрел в сад, в другую от нее сторону, но, не дождавшись ответа, повернул голову и взглянул на нее.

– Хотели? – снова спросил он чуть более низким голосом.

Она подошла ближе, и Гамильтон устремил все свое внимание на нее. Селия не знала другого джентльмена, который казался бы столь открытым. Она и забыла, как легко с ним общаться.

– Вот только не смейтесь надо мной, Энтони, – предупредила Селия, бессознательно называя его по имени, как делала много лет подряд. – Я… меня еще никогда не целовали, и сегодняшняя ночь казалась очень подходящей и… ну, пока лорд не начал допытываться, обожаю я его или нет, все было очень романтично. Было, – подчеркнула она, заметив, что Гамильтон скривил губы. – Неужели это так постыдно и из-за этого мы все не достойны уважения, раз нас тянет на скандальные приключения?

– Нет, вы достойны всяческого уважения.

– А вы? – Селия улыбнулась, радуясь возможности поддразнить его. – Вы знаете, что вас обожают все сплетницы Лондона?

Гамильтон вздохнул и покачал головой.

– Я вовсе не такой дерзкий и безрассудный, как им нравится думать. Может быть, вы как образец благовоспитанности объясните мне, как избежать их губительного внимания.

– Да ну, это просто, – отмахнулась Селия. – Найдите себе девушку, влюбитесь в нее и остепенитесь, заведите детишек и начните разводить собак. И тогда никто про вас и слова дурного не скажет.

Гамильтон хмыкнул.

– А, вот в чем проблема. То, что вы предлагаете, проще сказать, чем сделать.

– А вы когда-нибудь пробовали?

Он пожал плечами.

– Нет.

– Так откуда вы знаете, что это сложно? – воскликнула Селия. – Тут несколько дюжин молодых леди подыскивают себе мужей. Нужно просто сделать одной…

Гамильтон негромко поцокал языком.

– Я не могу.

– Можете!

– Не могу.

В ее глазах появился блеск.

– Это похоже на вызов.

Он искоса посмотрел на нее и усмехнулся.

– Не похоже. Даже и не пытайтесь сватать меня, мой случай безнадежен.

– Разумеется, это не так, – упрямствовала она. – Да как же, любая леди в Лондоне…

– Не подойдет мне, а я ей.

– Мисс Уэзерби, – начала Селия.

– Слишком худая.

– Леди Джейн Крэнстон.

– Слишком высокая.

– Мисс Олком.

– Слишком… – Гамильтон замолчал, задумавшись и пристально всматриваясь в собеседницу. Селия уже открыла рот, готовая ликующе воскликнуть, что он не сможет найти ни единого недостатка в Люсинде Олком. – Слишком веселая, – произнес, наконец, Энтони.

– Так кто же вам подойдет? – выпалила она, смеясь над его забавной неуступчивостью.

Энтони снова перевел взгляд в сад.

– Вероятно, никто.

– Вы даже не пытаетесь быть справедливым. Я знаю столько милых молодых леди…

Гамильтон резко выдохнул.

– Это очень скучная тема для разговора. Нынешней весной чудесная погода, вы не находите?

– Каждая мисс, если узнает вас поближе, будет приятно удивлена, – настойчиво продолжила Селия, игнорируя его попытки сменить тему. – Вы с такой легкостью отвергаете любую в Англии. – Он перегнулся через балюстраду и прищурился, вглядываясь в темноту. – Кроме меня, – объявила Селия и резко замолчала. Святые небеса, как она могла сказать такое?

Кажется, мистер Гамильтон тоже был шокирован. Он быстро развернулся и, вскинув брови, удивленно посмотрел на юную леди.

– Прошу прощения?

Селия покраснела.

– Я… я хотела сказать, что знаю вас и убеждена, что вы и наполовину не такой плохой, каким притворяетесь.

Его сосредоточенный взгляд был настолько мрачен и напряжен, что Селия едва узнавала мистера Гамильтона. Боже, это всего лишь Энтони! Но сейчас он смотрит на нее так, словно…

– И наполовину не такой плохой, – пробормотал Гамильтон задумчиво. – Мне кажется, это очень редкий комплимент.

Селия снова засмеялась, испытывая искреннее облегчение, – он всего лишь ее дразнил. Недавнее выражение его лица, словно у волка перед прыжком, слегка вызвало у нее тревогу. На секунду Селии показалось, что Гамильтон действительно на нее набросится. Но еще хуже осознание того, что какая-то крохотная, греховная ее часть с любопытством этого ожидала. С безудержным любопытством. Она могла бы позволить лорду Юстону поцеловать себя, но только ради того, чтобы потом можно было похвастаться перед подружками, что она уже целовалась. Ее бы никогда не захватила страсть к этому джентльмену, который, как выразился Энтони, невыносимый зануда. Но поцелуй одного из

самых известных повес Лондона… да, это совсем другое дело.

– Вы знаете, что я имела в виду, – произнесла Селия, гоня прочь греховные мысли. – Я знаю, что сердце у вас доброе, хотя вы очень умело это скрываете. В доказательство могу заметить, что вы уже столько времени стоите тут со мной, пытаясь успокоить и развеселить меня после самого отвратительного на свете предложения руки и сердца. Дэвид на вашем месте хохотал бы, согнувшись пополам, а потом рассказал бы о случившемся всем и каждому.

– А, ну я не ваш брат, – ответил Гамильтон, непринужденно улыбаясь, хотя взгляд его по-прежнему не отрывался от лица собеседницы.

Селия искренне порадовалась, что Энтони не видит, как она покраснела.

– Да, не брат! Но именно поэтому… – она сделала последний глоток шампанского и поставила бокал на балюстраду, – я должна вернуться в бальный зал. Полагаю, вы и дальше будете прятаться тут, в темноте, и вести себя, как и положено, безнравственно?

– Вы слишком хорошо меня знаете.

Селия снова рассмеялась.

– Доброго вечера, Энтони. И спасибо. – Она в последний раз улыбнулась ему и торопливо ушла.

Энтони прислушивался к ее затихающим торопливым шагам, зачем-то считая их. Семнадцать, и Селия исчезла. Он снова уперся руками в балюстраду и глубоко вздохнул. В воздухе сохранился слабый лимонный аромат. Интересно, почему от нее пахнет лимонами, а не розовой водой, как от большинства других леди.

– Вижу, ты отдал мое шампанское, – прозвучал голос у него за спиной.

Энтони улыбнулся и протянул нетронутый бокал.

– Нет. Я отдал свое.

Фанни, леди Драммонд, с жеманным видом приняла бокал.

– Слишком юна для тебя, на мой вкус.

– Давняя приятельница, – спокойно ответил Гамильтон. – Младшая сестра друга. Юстон поставил ее в неприятное положение.

– Все лучше и лучше! – воскликнула Фанни. – Теперь ты у нас рыцарь в сверкающих доспехах.

Энтони пожал плечами.

– Это вряд ли.

– Знаешь, милый, я тебя не виню. – Она провела пальцем по его руке. – Это же лучшая партия сезона. Говорят, приданое будет в двести тысяч фунтов.

– Как сплетники ухитряются добывать подобную информацию?

– Постоянно шпионят, надо полагать. Матроны Лондона посрамили бы агентов Фуше.

Фанни прижала веер к губам, внимательно изучая Энтони.

– На какой-то миг я подумала, что ты наметил для себя новую цель.

Гамильтон сжал губы, но ничего не ответил. Чем меньше разговоров на эту тему, тем лучше. Аромат лимонов исчез, сменившись тяжелыми духами леди Драммонд.

– Это так? – настаивала Фанни, решив, что молчание затягивается. Затем придвинулась ближе, и в ее глазах вспыхнуло любопытство. – Боже праведный. Самый лучший любовник Лондона томится по какой-то девице?

Энтони развернулся.

– Она всего лишь девочка, – отрезал он. – Я помню ее практически младенцем, и да, отношусь к ней с нежностью и теплотой. Ты бы поняла, если бы услышала, какой вздор нес Юстон. Я подошел, чтобы скорее заткнуть его, вот и все.

– И все-таки здесь кроется что-то еще, – язвительно заметила Фанни. Энтони раздраженно вздохнул. Она засмеялась и положила ладонь на его руку. – Признайся, ты об этом подумывал. Мисс Риз смогла бы решить все твои проблемы, так ведь? Деньги, связи, респектабельность…

Гамильтон убрал руку.

– Конечно, и все, что для этого требуется, – убедить герцога Эксетера дать свое согласие, преодолеть откровенную неприязнь вдовствующей герцогини, а затем попросить саму леди выбрать меня вместо всех завидных кавалеров. Я не заключаю пари на подобных условиях, Фанни.

Она насмешливо улыбнулась.

– Минуту назад Селия Риз была девочкой, а теперь стала леди. – Энтони посмотрел на нее с нескрываемым раздражением. Фанни придвинулась так близко, что Гамильтон теперь ощущал ее теплое дыхание у себя над ухом. – Я бы не стала винить тебя за попытку, милый, – прошептала она. – Это бы ничуть не изменило наших отношений… кстати, почему бы тебе не заглянуть ко мне сегодня ночью… попозже… мы бы могли продолжить…

– Надо полагать, ты хочешь узнать новости про Корнуолл.

Фанни надула губки, решив, что он сознательно сменил тему, и сказала:

– Знаешь, вряд ли я бы позволила тебе соблазнить меня, если бы знала, что нужна лишь как инвестор для разработки месторождения. – Энтони вскинул бровь. – Ну ладно. – Она многозначительно ему улыбнулась. – Я бы все равно позволила себя соблазнить, но выторговала бы более выгодные условия.

– Мне нравится думать, что мы с тобой всегда будем прекрасно ладить друг с другом. – Он взял ее руку и прижался губами к запястью изнутри.

Выражение лица леди Драммонд смягчилось.

– Пожалуй, да.

Гамильтон улыбнулся, решив поскорее забыть о своих геройствах и все, связанное с Селией Риз. Пусть сама Фанни относится к происходящему легкомысленно, но ему необходим каждый фартинг, который она готова вложить в дело, и уж он-то знает, как сохранить такого инвестора.

Энтони подробно пересказал ей все, что ему сообщил управляющий рудником, – леди Драммонд, в отличие от большинства женщин, на самом деле хотела знать, что происходит с ее деньгами. Она обладала острым деловым умом, и их отношения были крайне взаимовыгодными. Другую особенность этого союза Гамильтон ценил не меньше – Фанни жила в настоящем и не интересовалась прошлым, исключительно его прошлым, что было важно.

Но когда леди Драммонд вернулась в бальный зал, Энтони пришлось признать, что его мысли далеки от нее. Хотя Фанни была почти на пятнадцать лет старше его, она по-прежнему оставалась очень привлекательной женщиной с острым, язвительным умом и великолепным чувством юмора. Она обладала искушенностью и опытом, какими не могла похвастаться ни одна юная леди, и очень нравилась Гамильтону. Ему нравилось и то, что ее деньги помогают осуществить его финансовые проекты. Радовало, что Фанни относится к их прерывистому роману спокойно, без упреков, обвинений и требований. Но от нее не пахло лимонами.

Энтони оттолкнулся от балюстрады, ощущая прилив энергии и усталость одновременно. Этим вечером он собирался провести какое-то время в комнате для игры в карты, где надеялся выиграть сумму, достаточную для оплаты нескольких месяцев аренды, но подозревал, что теперь не сумеет должным образом сосредоточиться. Чертовы лимоны.

Глубоко вздохнув, Гамильтон направился обратно в дом, мысленно повторяя все, только что сказанное Фанни: Селия всего лишь девочка, и разговаривал он с ней исключительно по доброте душевной. Энтони старался не вспоминать о том, что юная мисс Риз – единственная женщина в Англии, которая считает его… как это она выразилась… «Наполовину не таким плохим, каким он притворяется».

Гамильтон вошел в бальный зал, остановился около дверей и, вовсе не собираясь этого делать, тут же отыскал Селию взглядом. Она танцевала с каким-то молодым щеголем вроде Юстона. Когда партнер кружил в танце Селию, ее золотые кудри сверкали в отблесках свечей. Взгляд Энтони задержался на спине мисс Риз, где партнер широко и жадно распластал свою пятерню.

Молодой человек был в восторге, танцуя с ней, и почему нет? Она сияла, улыбаясь всему, что он ей говорил, и Гамильтон не без волнения признал, что Селия Риз просто ошеломительна. Больше не ребенок и не юная девушка, а красивая молодая женщина, готовая выйти на прогулку с джентльменом в надежде на поцелуй, чтобы потом отбиваться от предложения о замужестве.

Энтони отвернулся от танцующих и, не оглядываясь, направился дальше, протиснулся сквозь толпу, вышел в холл, задержался на минуту, чтобы забрать вещи, и по лестнице спустился в темноту. Он миновал вереницу экипажей, неторопливо шагая по лондонским улицам. Воздух был свеж и прохладен, прелестная ночь для прогулки, но Гамильтон вышел не ради того, чтобы наслаждаться весенним вечером.

Наконец он добрался до своей арендованной квартиры в доме, пытающемся претендовать на респектабельность. Поднялся по лестнице в простые, скромно меблированные комнаты. Все еще вкладывая бо?льшую часть денег в оловянные рудники, Энтони был вынужден сокращать расходы до минимума. В его комнатах не было ни комфорта, ни роскоши, и уж точно ничего такого, чем можно соблазнить дочь герцога. Скидывая сюртук и развязывая галстук, Гамильтон саркастически скривил губы, насмехаясь над собственными мыслями. В его жизни вообще мало соблазнительного для любой леди.

И все-таки…

«Кроме меня», – эти слова Селии до сих пор звучали у него в ушах. Ни одна леди в Лондоне не примет его… – «кроме меня». Он снял жилет и швырнул его на ближайшее кресло. Все видят в нем никчемного прожигателя жизни и гедониста… кроме Селии. Гамильтон расстегнул воротник и сдернул через голову рубашку. Кожа была горячей, ощущались покалывания. «Она младшая сестренка твоего друга, – вслух произнес он. – Практически твоя собственная сестра».

Но это не помогло.

Энтони закрыл глаза и увидел Селию краснощекой маленькой девочкой, протягивающей ему последнюю, оставшуюся от чаепития лепешку, завернутую в салфетку. Вспомнил ее злые слезы, когда брат потребовал, чтобы она осталась дома и не ходила с ними на рыбалку. И еще представил мелькнувшую во время танца щиколотку, изгиб груди, когда Селия присела в реверансе перед партнером, и отблеск лунного света на белокурых кудрях.

Селия Риз ему очень нравилась, когда была девочкой, но Гамильтон никогда не позволял себе думать о ней как о женщине. Леди вроде Селии не для него. И пока она оставалась в его мыслях малышкой, все было хорошо. Однако сегодняшним вечером Энтони с тревогой обнаружил, что теперь думает о Селии только как о женщине, хоть и совсем юной. Она хотела, чтобы сегодня вечером ее поцеловали, и Гамильтон понимал, с какой легкостью мог бы стать тем самым счастливчиком, который это сделает. «Кроме меня», снова звучали у него в ушах ее слова, и он вспомнил, как изменилось лицо Селии, когда она осознала сказанное. Селия ничего непристойного не имела в виду, но он заметил румянец на ее щеках и искорку любопытства в глазах. И теперь все изменилось бесповоротно, навсегда уничтожены братские чувства, испытываемые ранее.

Энтони плеснул в лицо холодной водой из кувшина. Даже если Селия его примет, ее семья никогда ничего подобного не позволит. Наверняка нет… Правда, герцог Эксетер в прошлом году и сам заключил очень странный брак, женившись на бедной вдове из захолустной деревни. А второй брат мисс Риз женился на женщине, чье положение еще более сомнительно. Жена Дэвида когда-то была воровкой-карманницей.

И если Ризы смогут закрыть глаза на отсутствие у него состояния, имени, положения и представительности, то может быть… только может быть… они смогут принять и его.

Энтони Гамильтон, широко известный, как самый скандальный повеса Лондона, лежал на своей узкой кровати и думал о детях и разведении собак.

Глава 2

К огромному облегчению, Селию не стали бранить за неприятное происшествие с лордом Юстоном. Она сумела так рассказать об этом матери, что обе долго хохотали, и на этом история считалась исчерпанной, во всяком случае, с точки зрения Розалинды.

Зато подруги от мисс Риз так легко не отстали.

– Юстон вставал на одно колено? – поинтересовалась Джейн Мелвилл на следующий вечер.

Селия состроила гримасу.

– Нет.

– Но он поцеловал тебя? – спросила Луиза Уизерспун.

– Хвала небесам, нет.

– Но ты же хотела, чтобы Юстон поцеловал тебя! – воскликнула Мэри Грин.

Селия задумалась.

– Когда я согласилась выйти с Юстоном на террасу, то полагала, что он попытается заполучить поцелуй, – призналась она. – И думаю… может быть, я бы позволила.

– Может быть? – недоверчиво пискнула Луиза. – Юстон же такой красавчик!

– И отлично танцует, – добавила Джейн, а Мэри кивнула.

– Но он ужасный зануда, – пояснила Селия. – Начал с того, что заявил, будто обожает меня.

– Прекрасное начало, – пробормотал кто-то из подруг.

Селия кивнула.

– Верно. Прекрасное. Но потом… – она огляделась, проверяя, не подслушивает ли кто-нибудь, – он спросил, обожаю ли я его.

Подруги переглянулись. Луиза пожала плечами. Селия предположила, что она восхищена лордом Юстоном больше, чем остальные.

– Я не могла сказать «да», потому что, конечно же, я его не обожаю, он красивый и отлично танцует.

Даже Луизе пришлось согласиться, что нельзя джентльмену лгать в таком серьезном вопросе – пусть он и отлично танцующий красавчик.

– Потом лорд Юстон решил поговорить с моим братом. – Селия едва не закатила глаза, но вовремя одумалась. – Разумеется, Эксетер сказал бы ему «нет», но… я не хотела, чтобы бедняга попал в неловкое положение, ведь замуж за него я не выйду.

– Вообще? – ахнула Луиза, словно не могла поверить, что такое возможно.

– Безусловно, – ответила Селия. – Вообще не собираюсь.

– И что, Юстон был убит горем? Стал умолять передумать? – Кончик носа Джейн едва не подергивался от любопытства.

Селия снова состроила гримасу.

– Потом он попытался поцеловать меня. Сказал: «Позвольте изведать бессмертие в вашем лобзанье».

– О, это же Шекспир! – воскликнула Луиза. – Как романтично!

– Это не Шекспир, это Мильтон, – поправила подругу Джейн.

– Мильтон? – Мэри наморщила носик. – Разве не он написал ту ужасную поэму о Люцифере? Лорд Юстон сравнил Селию с дьяволом? Или с ангелом?

– Это Марло, – вмешалась Селия, мысленно благодаря мистера Гамильтона. Сама она не была в этом уверена, но если кто-нибудь и знает любовное стихотворение, так это Энтони. – И я не сочла сказанное особенно романтичным. Юстон схватил меня за руку и не отпускал.

– И как же ты от него сбежала? – Юные леди внимательно смотрели на подругу, забыв о поэзии.

Селия уже собиралась ответить, но вовремя одумалась. Она очень любила своих подруг, но прекрасно знала о их еще более сильной страсти к сплетням, чем у нее. Поэтому Селия не решилась связать свое имя с именем мистера Гамильтона, пусть даже он был очень добр и не совершил по отношению к ней ничего непристойного.

– На террасу кто-то вышел, и лорд Юстон меня отпустил, – ответила Селия. – Юстон вернулся в бальный зал, а через несколько минут и я тоже.

Услышанная история сильно впечатлила подруг.

– По крайней мере, он не стал делать предложение на глазах у всех, – заметила Мэри. – Сэр Джордж Лейси сделал предложение Марте Уинтерс в театральной ложе, битком набитой людьми. Вообразите, как трудно отказать джентльмену в такой ситуации!

Селия кивнула.

– Я даже подумать не могла, что лорд Юстон сделает мне предложение. Иначе ни за что бы не пошла с ним на террасу.

– Каждой леди полезно получить предложение о замужестве, которое она отвергнет, – со знанием дела заявила Джейн. – Так говорит моя мама.

– О боже, он идет! – прошептала Мэри.

– Кто? – Джейн вытянула шею в сторону, куда показывала Мэри, и тут же отпрянула назад, получив ответ на свой вопрос: – Лорд Юстон!

Селия практически ощутила его крепкую хватку и содрогнулась. Еще она вспомнила, что лорду Юстону категорически не хотелось оставлять ее наедине с Энтони Гамильтоном, пусть и всего на несколько минут. Селия осмелилась выглянуть из-за плеча Луизы и с сожалением отметила, что не похоже, будто он собирается просить прощения за свой вчерашний поступок. Он казался недовольным и слегка сердитым. Селия выбрала наиболее трусливый выход из положения.

– Кажется, мне нужно посетить дамскую комнату, – прошептала она.

– Пойти с тобой? – спросила Мэри. Селия помотала головой.

– Не бойся, дорогая, мы не позволим ему пойти за тобой, – пообещала Джейн. – Попробуем уговорить его на танец с Луизой.

Селия исчезла в толпе, услышав за спиной негодующий возглас Луизы. Опустив голову, она пробиралась в сторону дамской комнаты.

Энтони заметил, что Селия выскочила из бального зала в тот миг, когда сам он собирался войти в комнату для игры в карты. Проследив взглядом дальше, Гамильтон увидел Юстона, разговаривающего с молодыми леди, в обществе которых всего несколько секунд назад находилась Селия. Гамильтон замедлил шаг и развернулся.

– Прошу меня извинить, – пробормотал он своим спутникам, отходя от них и направляясь к той двери, за которой скрылась мисс Риз.

Энтони не знал, что будет делать. Просто засмотрелся на золотистые волосы, а то, как она выскочила из зала, только подогрело интерес. Селия избегает Юстона – и удивляться тут нечему, размышлял Гамильтон, поднимаясь по лестнице вслед за фигурой в голубом платье.

Возможно, она будет недовольна тем, что он пошел за ней, но Энтони упорно продолжал подниматься. Наверху Селия повернула в сторону комнаты, где дамы пудрят носики, и скрылась внутри. Гамильтон резко остановился. Ну конечно! Мог бы и догадаться, что она спрячется там, куда Юстон войти не сможет. Но и он тоже. А если ждать ее у дверей дамской комнаты, чтобы поговорить, неизбежно получится сцена, которой Селия пытается избежать. Подавив вспышку досады, Энтони решил вернуться в комнату для игры в карты.

– Гамильтон, – послышался за спиной голос. – Я желаю поговорить с вами, сэр.

Энтони развернулся, на лице непроизвольно появилось выражение полного равнодушия.

– Да?

Человек подошел очень близко. Сэр Джордж Говард, баронет со скромным состоянием и честолюбивой женой, не имеет ничего общего с обычным кругом общения мистера Гамильтона. Баронет приблизился вплотную.

– Что за дела у вас с моей женой?

– Полагаю, вы ее уже спрашивали об этом, – бесстрастным тоном произнес Энтони. Было нелегко избегать леди Говард. Гамильтон мог поклясться, что она подстерегает его – слишком часто они встречались в последнее время.

Говард протянул руку, схватил собеседника за грудки и встряхнул. Энтони не протестовал, лишь поморщился. Сэр Джордж смотрел на него так, будто только и ждал повода вызвать соперника на дуэль.

– Я не спрашивал об этом! – рявкнул Говард. – И хочу услышать ответ от вас.

Гамильтон вздохнул, словно вся эта сцена его утомила, хотя баронет слишком сильно сжимал его за грудки. Сэр Джордж был на несколько дюймов ниже противника, но зато коренаст, широкоплеч, сложением напоминал быка и имел кулаки, как у настоящего боксера. Провоцировать его было незачем, тем более что единственными свидетелями выступали несколько приятелей сэра Джорджа.

– Никаких, кроме нескольких любезных бесед, – ответил Энтони.

Говард тряхнул его еще раз, сверкая глазами. Если Гамильтон не ошибся, то баронет уже здорово набрался.

– Вздор. Любезные беседы не требуют множества улыбочек и не заканчиваются исчезновением с моего счета трех тысяч фунтов!

Энтони вскинул бровь. Три тысячи фунтов? Леди Говард дала ему только две и то после того, как поклялась, что муж ничего не заметит.

– Вы обвиняете меня в воровстве?

– Не совсем. – Сэр Джордж злобно посмотрел на Гамильтона. – Держитесь подальше от моей жены.

Энтони наклонил голову.

– Как пожелаете.

Коридор был относительно пуст, но все же несколько человек с интересом наблюдали за происходящим. Неужели этот болван не понимает, что таким образом навлечет на свое имя скандал куда больший, чем любой разговор Гамильтона с леди Говард?

Жилка на виске баронета запульсировала.

– Я серьезно! – воскликнул он и потряс кулаком перед лицом Энтони. – Держитесь подальше от моей жены!

Теперь никто не скрывал интереса к происходящему. Леди, направляющиеся в дамскую комнату, и дамы, выходящие из нее, останавливались, сгорая от любопытства. Гамильтон понизил голос.

– Отпустите меня, Говард. Я в жизни не прикасался к вашей жене.

– Я вам не верю. – Один из приятелей сэра Джорджа подошел к нему и что-то прошептал на ухо. Баронет встряхнулся, как мокрый пес. – Чертов соблазнитель, – прорычал он. – Вор. Я знаю о твоих делишках. Морочишь голову бедным женщинам, они уверены, что влюблены в тебя, и ты вынуждаешь их отдавать тебе деньги. Мои три тысячи ты уже проиграл, верно? Я каждый вечер наблюдаю тебя за карточным столом. Тебе плевать, выигрыш или проигрыш, так ведь? – Приятель, нервно оглянувшись, еще раз шепнул что-то на ухо сэру Джорджу, потом снова и снова, но баронет отмахнулся. – Тебе плевать, потому что это не твои деньги!

Краем глаза Гамильтон заметил что-то голубое – того же цвета, что и платье Селии. Только не это. Не стоило идти за ней. Не хватало еще, чтобы она стала свидетельницей данной сцены.

– Отпустите меня, – приказал Энтони негромко спокойным голосом. – Вы провоцируете сцену, сэр.

Злобно сверкнув глазами, Говард еще раз тряхнул Гамильтона, а затем так сильно толкнул его, что тот едва не упал.

– Держись подальше от моей жены! – снова рявкнул сэр Джордж, ткнув в грудь соперника толстым пальцем.

– С удовольствием, – пробормотал Энтони, поправляя сюртук и собираясь обойти баронета. Завтра же нужно вернуть деньги леди Говард и впредь избегать ее, как прокаженную. Никакие вложения того не стоят.

К несчастью, сэр Джордж услышал его, со сдавленным ревом он вырвался из рук приятеля и ринулся вперед. Его кулак впечатался в лицо Гамильтона, врезавшись в нос и скулу. Голову пронзило пылающей болью.

Пару секунд Энтони даже вдохнуть не мог. От силы и внезапности удара у него закружилась голова. Он вслепую шарил у себя за спиной, пытаясь за что-нибудь ухватиться, лишь смутно осознавая, что приятели баронета вцепились в него и оттаскивают назад.

Он нащупал стену и прислонился к ней. В голове звенело. Гамильтон поднес руку к лицу, та окрасилась в алый цвет. Этот безумец, вероятно, сломал мне нос,

и теперь кровь капает на жилет, думал Энтони. Неожиданно он почувствовал усталость, повернулся спиной к зевакам, прижался плечом к стене и начал ощупывать карманы в поисках носового платка.

– Мистер Гамильтон? – Энтони застыл, услышав за спиной тихий голос. – Вы ранены?

– Нет, – отрезал он, хотя голос его прозвучал приглушенно и неразборчиво. Наконец-то ему удалось найти платок, он прижал его к носу, надеясь, что Селия уйдет.

Но она обошла его и ахнула.

– Нет! О, вы по-настоящему ранены! Почему же отрицаете?

– Это ерунда, – произнес Гамильтон, стараясь не морщиться; от звуков собственного голоса голова начинала болеть еще сильнее.

– Ерунда? Да вы в крови. О, Энтони. – С полными ужаса глазами Селия положила ладонь ему на руку. – Никуда не уходите. Я сейчас вернусь.

Нужно было уйти и добраться до дома, там можно истекать кровью в одиночестве. Он вовсе не таким образом рассчитывал начать ухаживать за мисс Риз и уж точно не хотел, чтобы она увидела, как сэр Джордж ударил его, подозревая в любовной интрижке с леди Говард. Необходимо уйти до того, как она вернется.

Но Селия вернулась, прежде чем Гамильтон нашел в себе силы уйти.

– Подождите, позвольте, я вам помогу. – Она ласково забрала у него окровавленный носовой платок и чистым начала промокать кровь на лице. – Что случилось?

– Диспут джентльменов. – Энтони на мгновение привалился к стене, позволив себе насладиться, вопреки жгучей боли, прикосновением ее рук к своему лицу.

Селия фыркнула.

– Диспут джентльменов! Более нелепого вранья я в жизни не слышала. В дамской комнате кто-то сказал, что сэр Джордж назвал вас вором, прежде чем ударил.

– Возможно, да. – Ее прикосновения дарили невероятное наслаждение, но они были слишком нежны, и кровь все еще струилась по подбородку. – Позвольте лучше мне. Нужно прижимать сильнее. – Он накрыл ее руку своей, забирая платок. На мгновение их пальцы переплелись, но Селия тут же высвободила руку. – Вам лучше вернуться на бал, – сказал Энтони с жутковатой усмешкой и с силой прижал платок к носу.

– И оставить вас в таком состоянии? Ни за что! – Она огляделась. – Идемте, там есть кушетка, где можно сесть.

Отказываясь, он махнул рукой, но Селия взяла его под локоть и потянула за собой. А когда Гамильтон сел, она устроилась рядом.

– Со мной все в порядке. Не стоит впустую растрачивать вечер, ухаживая за мной.

Селия недоверчиво рассмеялась.

– Мистер Гамильтон, вы едва можете говорить! Нос у вас распухает, а одежда залита кровью. Вы вовсе не в порядке.

Он неуклюже осмотрел себя.

– Боже, я и впрямь настоящее пугало. – Галстук сбился набок и помялся, на жилете не хватало пары пуговиц. И все в кровавых пятнах.

– Ваш камердинер очень расстроится, – заметила Селия, глядя на его одежду.

– А… Да. Наверняка. – Энтони чуть передвинул носовой платок.

– Велите ему прикладывать холодные компрессы к вашему носу, – сказала Селия. – Однажды Дэвид сломал нос, и мама посылала за льдом. Это помогает

облегчить боль.

– Не буду слушать ничьих советов, кроме ваших.

Она просияла.

– Если хотите, я могу узнать у мамы, что еще требуется. Или ваш слуга привык иметь дело с подобными вещами?

– Не особенно, – сухо пробормотал Энтони. Селия нахмурилась, и он сразу же продолжил: – Он парень гордый и дал мне понять, что нянчиться с болячками – занятие для него недостойное. Я не осмеливаюсь требовать слишком многого.

Она посмотрела на Гамильтона так, словно не могла поверить услышанному.

– Я с трудом могу представить, что слуги способны вас запугать.

Энтони вздохнул.

– Он как следует отругает меня за залитый кровью жилет и скажет, что я заслужил сломанный нос и головную боль, поскольку явился домой в испачканной одежде.

– Какой ужас! Вы не должны позволять ему столь безобразного поведения. Тем более случившееся не является вашей виной. – Ее глаза блеснули. – У сэра Джорджа отвратительный характер, это известно всем. Даже Дэвид считает, что он чересчур вспыльчив.

– Он сильно пьян. – Гамильтон убрал платок от носа и подождал, но кровь продолжала идти. Пришлось перевернуть платок и снова прижать его к носу.

– Это его не оправдывает! – возмутилась Селия.

– Несмотря на то, что он думал?

Энтони знал ответ, а еще он знал, как быстро все в Лондоне ухватятся за эту историю. Сомневаться не приходится – не пройдет и недели, как общество будет убеждено, что у него с леди Говард страстный роман, а муж защитил ее честь. Не стоит забывать и о том, как он промотал три тысячи фунтов, принадлежавших сэру Джорджу. Гамильтон безвольно обмяк на кушетке.

– Вам нехорошо? – Селия с тревогой наклонилась над ним. – Послать за доктором? Принести еще платок? Хотите что-нибудь выпить или?..

– Нет-нет. – Энтони заставил себя улыбнуться. – Право же, я прекрасно себя чувствую. Смотрите, и кровь больше не идет.

Он убрал платок от лица. Она очень внимательно рассматривала его пострадавший нос, и Гамильтон даже задержал дыхание, когда Селия наклонилась к нему еще ближе. Боже праведный, у нее глаза – голубые, как небо. А губы такие…

– Селия.

Энтони посмотрел исподлобья и увидел, что над ними стоит Розалинда, вдовствующая герцогиня Эксетер. Исходя из ее любезной, но холодной улыбки, напрашивался очевидный вывод о том, что она вовсе не рада наблюдать свою дочь в подобном обществе.

– Мама, сэр Джордж ударил мистера Гамильтона по лицу, – начала объяснения юная леди.

– Селия, не разноси сплетен, – строго произнесла герцогиня.

– Это не сплетня, мама. Я видела собственными глазами, когда выходила из дамской комнаты. И посмотри – он, наверное, сломал мистеру Гамильтону нос!

Розалинда не была тронута. Она поджала губы, глядя на пострадавшего, пытающегося подняться, и выставила перед собой руку.

– Прошу, не вставайте, мистер Гамильтон. В этом нет необходимости.

Но он все равно поднялся и слегка поклонился.

– Леди Селия была так добра, что помогла мне.

Герцогиня натянуто улыбнулась.

– Я счастлива слышать это. Вероятно, кто-нибудь должен послать за лакеем лорда Карфакса, чтобы тот осмотрел вашу рану.

– Может быть, послать за льдом, мама? – спросила Селия. – Ты так сделала, когда Дэвид сломал нос.

– Мистер Гамильтон вполне в состоянии послать за всем, что ему требуется.

Увы, ему требуется только общество ее дочери. Он еще раз слегка поклонился, на этот раз в сторону Селии.

– Да, в самом деле. Искренне благодарю вас, мисс Риз, за вашу доброту.

– Не за что. – Она присела в реверансе. – Позаботьтесь о себе, сэр.

Он коротко кивнул.

– Непременно.

Вдовствующая герцогиня быстро увела дочь, а Гамильтон остался, рассматривая окровавленный платок в руках. Следует расценить ее поведение как предостережение, думал он. Безусловно, она относится к нему с большим сомнением, равно как и все в обществе. Они всегда готовы возмутиться его поступками, хоть реальными, хоть выдуманными.

К Гамильтону подошел лорд Карфакс, хозяин дома. Он извинился за поведение сэра Джорджа и позвал слугу, чтобы тот помог Энтони привести себя в порядок. Слуга сопроводил мистера Гамильтона в комнату отдыха для гостей, где пострадавший вымыл лицо и руки. Нос уже распух, голова страшно болела. Одежда была в плачевном состоянии, и Гамильтон поправил ее, как сумел. Оставалось надеяться, что квартирная хозяйка сможет отчистить кровь.

Энтони посмотрел на свое отражение в зеркале, и пальцы его застыли на развязанном галстуке. Он не понимал, что заставило его лгать Селии про камердинера, человека, которого и на свете-то не существовало. Может, причина в том, что она думала, будто у него есть слуга и он не хотел признаваться, что его нет? А может, в том, что он предпочитал видеть, как она смеется, а не как ухаживает за ним? Селия, стирая кровь, так нежно прикасалась к нему…

Дурак ли он? Скорее всего. Вздохнув, Гамильтон отвернулся от зеркала. Наиболее правильным сейчас будет вернуться в комнату для игры в карты, выиграть добрую кучу денег и забыть о том, как Селия Риз, беспокоясь, заботливо суетилась вокруг него.

Глава 3

Селия не виделась с Энтони почти две недели. Вдовствующая герцогиня прочитала ей строгую нотацию на тему общения с людьми скандальной репутации вроде него, а на балах и приемах стала присматривать за дочерью куда внимательнее. Хотя Селия и не собиралась идти против воли матери, ей все равно хотелось узнать, поправился ли мистер Гамильтон. Сплетни о его поведении можно было услышать повсеместно, и она знала, что после инцидента с сэром Джорджем Энтони, весь запачканный кровью, вернулся в комнату для игры в карты и пробыл там до зари. Но никакой информации о состоянии его здоровья не было, и Селия решила обратиться к брату.

– Гамильтон? У него все прекрасно, – небрежно ответил Дэвид, не отрывая взгляда от своей жены Вивиан, которая как раз вальсировала с лордом Милбери. Дэвид даже не пытался скрывать ни свою любовь к жене, ни то, как он ее оберегает. Вивиан выросла в трущобах и была воровкой-карманницей, пока не познакомилась с Дэвидом при неясных шокирующих обстоятельствах, в которые никто не считал нужным посвятить Селию. Дэвид всегда был готов вмешаться, если чувствовал, что кто-то пытается обидеть его жену. Селия находила это очаровательным, даже если иногда брат становился ужасно рассеянным.

– Нет, ну правда, Дэвид. – Она ткнула его пальцем в руку. – Его же избили.

– Что? А, да. Но у него все в порядке.

– Ты уверен?

Наконец-то он на мгновение оторвал взгляд от Вивиан.

– Да, Селия, я уверен. Это был скользящий удар.

– Сэр Джордж мог сломать ему нос!

Брат отмахнулся и состроил гримасу.

– Всего один удар. В свое время Гамильтон и не в такой переплет попадал. Не волнуйся.

– Но я его с тех пор не видела.

Последнее привлекло внимание Дэвида.

– Ты что, его искала?

Селия покраснела.

– Нет. Просто хочу знать, что с ним все хорошо.

– С ним все хорошо. – Брат прищурился. – Матушку хватит удар, если…

– Ну так не говори ей, – огрызнулась она. – Гамильтон ничего не сделал, и я ничего не сделала. Я лишь хотела узнать, теперь ты мне рассказал, и я вполне довольна.

Дэвид продолжал смотреть на сестру с подозрением, но настаивать не стал.

– Вот и замечательно.

Селия покачала головой, отошла от брата, который ее разозлил, и направилась через весь зал к подругам. Почему это ей нельзя поинтересоваться здоровьем знакомого джентльмена, мысленно возмущалась она. Неужели Энтони настолько порочен, что ему и доброго здоровья пожелать нельзя.

– Добрый вечер, леди Селия.

Узнав этот голос, она вздрогнула, резко развернулась и увидела его, уже отдающего поклон.

– Добрый вечер, мистер Гамильтон, – с чувством ответила Селия. – Я так рада снова видеть вас! – Энтони вскинул брови. Она, смутившись, засмеялась, осознав, как странно, должно быть, прозвучали ее слова. – Я хотела сказать, что очень рада снова видеть вас в добром здравии.

– Я прекрасно себя чувствую, спасибо. – Гамильтон посмотрел на нее со странным выражением на лице. – Надеюсь, вы тоже.

– О да, но когда я видела вас в последний раз, вы были весь в крови.

– А, это. Неловкости одного вечера. – Его губы дернулись. – Хотелось бы верить, что вы не беспокоились?

– Конечно, беспокоилась! У вас мог быть сломан нос. После этого я вас нигде не видела, а Дэвид только и сказал, что все в порядке. – Селия недовольно хмыкнула. – Неужели джентльмены регулярно избивают друг друга? Мой брат абсолютно уверен, будто случившееся столь обыденно, что вы и не заметили.

Его полуулыбка исчезла.

– Я польщен тем, что вы справлялись о моем здоровье.

Что-то в его голосе привлекло внимание Селии, но, посмотрев повнимательнее, она убедилась в невозмутимости выражения на его лице.

Селия вздохнула и покачала головой.

– И я совершенно не представляю, что означает «в порядке». Дэвид может быть при смерти и все равно утверждать, что у него все в порядке.

– Нет, у меня действительно все хорошо. Очень хорошо. – Гамильтон смотрел на нее, и голос звучал несколько смущенно. – Я хотел поблагодарить вас за то, что были так добры тем вечером.

– Да это самое малое, что я могла сделать! – воскликнула Селия. – Боюсь, я вам ничем и не помогла. К сожалению, у меня нет соответствующего опыта.

– Я не могу вообразить лучшей сестры милосердия. – Гамильтон коротко улыбнулся. – Хотя мне вовсе не хотелось бы снова оказаться перед вами в столь недопустимом виде. Не лучший способ возобновить былое знакомство.

Селия печально улыбнулась.

– Нет. Вы были так галантны тем вечером, когда лорд Юстон… Похоже, ни один из нас не сумел показать себя должным образом, правда?

– И все-таки я не нахожу в вас никаких недостатков.

– Это потому что мы с вами не виделись несколько лет, – съязвила Селия. – Еще пара встреч, и вы будете считать меня столь же назойливой, как в детстве.

– Я никогда не считал вас назойливой, – непринужденно и спокойно произнес Энтони.

Селия удрученно молчала какое-то время.

– Нет, вы всегда были добры ко мне. Куда добрее, чем Дэвид! И я этого никогда не забуду. – Тут Селия заметила приближающуюся к ним вдовствующую герцогиню, которая уже свирепо сверкала глазами. – Но я должна идти. Доброго вам вечера, мистер Гамильтон. – Она быстро присела в реверансе.

– Доброго вечера, леди Селия. – Энтони поклонился, и Селия поспешила перехватить мать и объяснить ей все до того, как та придет в бешенство.

Гамильтон не стал провожать ее взглядом. Какой смысл лишний раз раздражать вдовствующую герцогиню? Но сердце его по-прежнему трепетало, а рука дрожала, когда он взял у ближайшего слуги бокал с вином и одним глотком выпил сразу половину.

Селия обрадовалась, увидев его. И она беспокоилась о нем. Энтони сделал глубокий вдох, на минуту задержал дыхание, обдумывая эти мысли с безмерным, хотя и непозволительным, удовольствием, и допил остаток вина.

Гамильтон был опытным игроком. В настоящий момент ему выпала плохая карта, и он это осознавал. Нет ни единого шанса выкрутиться из столь затруднительного положения; скандальные газетенки широко освещали каждый его поступок и даже приписывали чужие. Собственно, самое лучшее, что Энтони мог сделать с такими паршивыми картами – немедленно выйти из игры. Может быть, подождать годок. Это серьезный срок, за который удастся поправить положение дел и привести свою жизнь в порядок, а уж потом можно попытаться…

Но Селия танцует с другим. С лордом Эндрю Бертрамом, сыном и наследником графа Лансборо. Еще один красивый, респектабельный джентльмен вроде лорда Юстона.

Гамильтон, прищурившись, наблюдал за ними. Белокурая голова Бертрама склонилась к золотистой голове мисс Риз. Год – это слишком долго, заключил Энтони. Вряд ли этот джентльмен готов жениться прямо сейчас – он на год младше Гамильтона и славится любовью к веселью и беспечному образу жизни, – но наверняка появятся и другие. Если Энтони Гамильтон хочет получить шанс завоевать леди Селию, ждать нельзя.

Он снова посмотрел на нее, тут же заметив сияющую улыбку, предназначенную Бертраму, и сердце замерло в груди. Румянец на ее лице и оживленность движений заставили Энтони непроизвольно улыбнуться. Единственно, что может быть хуже имеющейся у него комбинации карт, это отчаянное желание завоевать Селию Риз. Он просто не может выйти из игры, пусть это и чрезвычайно глупо. Некоторые партии стоят любого риска.

Гамильтон обдумывал это две недели. Казалось, обстоятельства против него. Леди Говард отказалась брать деньги обратно, даже когда он пригрозил, что обо всем расскажет ее мужу. Она впала в истерику, бросилась ему на шею и разорвала на себе лиф. Энтони предполагал, что Фанни рассчитывала получить гораздо бо?льшую сумму, чем предлагаемая им, поскольку хотела вернуть мужу все три тысячи фунтов, чтобы избежать подозрений. После того как Гамильтон не прельстился ее голой грудью, она стала преследовать его повсюду, всякий раз заговаривая с ним на публике и угрожая в любую секунду устроить сцену. Энтони четыре вечера подряд не показывался в обществе, избегая леди Говард, из-за чего не виделся и с Селией.

Могла ли Селия полюбить его? Разумеется, правильный ответ – «нет». Он осознавал это, сидя в темных, прокуренных комнатах и пытаясь сосредоточиться на картах. Гамильтон играл с людьми из разных общественных кругов, но при этом знал, что именно к нему относятся наихудшим образом. Он даже на некоторое время перестал играть, примеряя на себя новую, высоконравственную жизнь, но затем пришел счет от портного, и пришлось вернуться за карточный стол. Даже с учетом своих скромных финансовых возможностей Энтони не мог экономить на одежде. Если он начнет одеваться, как человек в отчаянном положении, ему перестанут давать деньги, и вот тогда Энтони Гамильтон пойдет ко дну.

Но он все равно думал о Селии. Куча детишек и стая собак. Эта картина импонировала ему все больше.

И наконец, Гамильтон решил, что ключ к победе – согласие герцога Эксетера. До сих пор ему не приходилось просить разрешения ухаживать за юной леди, и теперь (такой уж он везунчик) придется обратиться к строгому и непреклонному герцогу. Одобрение Эксетера очень важно, ведь именно он является старшим братом и опекуном Селии, и даже если Энтони получит его разрешение, ему наверняка придется преодолеть долгий путь до получения одобрения вдовствующей герцогини, не говоря уже о ее благословении. Чтобы убедить герцога, Гамильтон решил сдаться на его милость: признать свои грехи и недостатки и торжественно поклясться встать на путь исправления. Искреннее раскаяние и смирение сделают свое дело.

Гамильтон сумел раздобыть приглашение на ежегодный бал у Роксбери, зная, что Эксетер и лорд Роксбери – союзники в парламенте и даже друзья – настолько, насколько у Эксетера вообще могли быть друзья. Энтони

досконально продумал свой внешний вид (тщательнее любой леди, мрачно усмехнувшись, подумал он), затем отправился на прием.

Прошел уже целый час, а он так еще и не видел ни Эксетера, ни его герцогиню, ни вдовствующую герцогиню, ни саму Селию. В конце концов Гамильтон заметил возле комнаты для игры в карты Дэвида Риза, своего давнего друга и брата Селии.

– Эксетер сегодня здесь? – Энтони расправил плечи и напрягся в ожидании ответа.

– Насколько мне известно, да. – Дэвид изучал дно своего опустевшего бокала. – Но тут его, конечно, не будет.

– Разумеется. – Гамильтон заглянул в комнату для игры в карты, привычно оценивая собравшихся. Затем решительно развернулся и направился обратно в бальный зал. Все знали, что Эксетер не одобряет азартные игры, и Энтони понимал, что репутация заядлого картежника выйдет ему боком. Но он надеялся, что герцог примет его объяснения.

Дэвид пошел за другом.

– У тебя есть к Маркусу какой-то вопрос?

– Что? – рассеянно отозвался Гамильтон, высматривая в бальном зале Эксетера.

– Зачем он тебе? – повторил Дэвид Риз.

Энтони повернулся к приятелю.

– Вопрос насчет инвестиций, – уклончиво ответил он. – Мне порекомендовали узнать его мнение.

Дэвид с удивлением на него посмотрел.

– Инвестиций?

– Э-э-э… да, – подтвердил Гамильтон. – Очень деликатного характера.

Риз казался удивленным.

– Ясно. Ладно, я спрошу у Вивиан. – Жена Дэвида как раз пробиралась к ним через толпу. Энтони замер, заметив, что с ней идет Селия.

– Вот ты где, любовь моя. – Риз притянул жену к себе, ничуть не стесняясь показывать свои чувства. – Ты не видела Маркуса? Он нужен Гамильтону.

– Я как раз должна сообщить тебе, что они уехали домой, – ответила Вивиан с легким ирландским акцентом. – Ее светлость чувствует себя не очень хорошо. Думаю, сейчас они уже недалеко от дома.

– А. Ну что ж, не повезло, – обернулся Дэвид к другу.

Тот заставил себя улыбнуться и кивнуть, демонстрируя равнодушие.

– Значит, в другой раз.

– Это срочный вопрос, мистер Гамильтон? – Селия смотрела на него своими огромными голубыми глазами. Сегодня она надела очень модное нежно-голубое платье, идеально подходящее юной леди-дебютантке. Сдержанность наряда разожгла в Энтони страстное желание снять его с Селии. Только ее изящная фигура, окутанная облаком золотистых локонов, аромат лимонов и…

– Нет, мой вопрос вполне может подождать. – Но недолго. Он не сможет и дальше скрывать свое отношение к ней. Какой же будет восхитительный спектакль для общества: печально известный повеса мечтает о юной неопытной леди. – Надеюсь, ее светлость быстро поправится.

У Селии такая теплая улыбка.

– Я передам ей ваши наилучшие пожелания.

Гамильтон кивнул, а затем к ним подошли две молоденькие девушки и увлекли Селию с собой, оставив Энтони с Дэвидом и его женой.

– Надеюсь, задержка не повлияет на твои инвестиции, – сказал Риз.

Гамильтон вздрогнул и перестал сверлить взглядом удаляющийся силуэт.

– Нет, я нанесу герцогу визит.

На следующее утро Энтони появился в Эксетер-Хаусе настолько рано, насколько позволяли приличия. Дворецкий проводил его в кабинет герцога, и тот не особенно удивился, увидев гостя. Возможно, Дэвид что-нибудь рассказал.

– Гамильтон. – Герцог приветливо кивнул. Энтони поклонился. Эксетер показал на стул. – Не желаете присесть?

Энтони сел, ощущая себя участником партии с максимальными ставками, выложившим на стол все до последнего фартинга. Внешне он казался спокойным, но внутри нервное напряжение достигло предела.

– Я пришел просить разрешения ухаживать за вашей сестрой, леди Селией.

Герцог изумленно вскинул брови. Гамильтон глубоко вздохнул и решительно произнес:

– Я понимаю, что моя репутация вызывает большие сомнения. Но уверяю вас, это не шутка и не мимолетный порыв. Я знал леди Селию еще маленькой девочкой и всегда был искренне к ней привязан.

– Э… да, – вымолвил герцог, еще явно не пришедший в себя.

– Я прекрасно знаю, что мое имя связано с бесконечными сплетнями. Замечу, что не все из них правдивы, многие не имеют ничего общего с действительностью, – продолжил Энтони заранее подготовленную речь. – Возможно, вы опасаетесь, что я разобью сердце леди Селии. Я приложу все усилия, чтобы этого никогда не случилось. Я человек слова. В обществе обо мне могут говорить что угодно, но я обещаю вам сделать все, что в моих силах, лишь бы ваша сестра была счастлива. Я буду избегать всего, что может огорчить ее и никогда не опозорю леди Селию своими поступками.

– Несомненно, – пробормотал герцог. – Мистер Гамильтон…

– Я помирюсь с отцом. У нас с ним никогда не будет близких отношений, но я его единственный наследник. Я сделаю все для того, чтобы леди Селия в будущем стала графиней.

– Мистер Гамильтон…

– Что до моих финансов… – Энтони сделал небольшую паузу, а затем проговорил уже менее уверенно: – Я игрок не по собственной воле, ваша светлость. Это мой доход. Граф лишил меня содержания после нашей ссоры. Я должен был находить деньги. У меня есть инвестиции, хотя пока еще скромные, но я могу содержать жену. С приданым леди Селии в качестве капитала я полностью откажусь от игры в карты. – Здесь он сообразил, что вцепился в подлокотники, и разжал пальцы, дожидаясь реакции герцога.

– Мистер Гамильтон. – Эксетер подался вперед, пригвоздив гостя к месту суровым взглядом. – Все сказанное вами достойно восхищения, но я вынужден сообщить, что уже дал согласие отдать руку моей сестры другому мужчине.

Услышанное настолько отличалось от ответа, которого ожидал Энтони, что он даже не сразу сообразил.

– Понимаю, – после паузы пробормотал Гамильтон. Он-то предполагал, что придется защищаться и убеждать герцога, думал, что последует отказ. Но такого ответа никак не ожидал, не предполагал, что опоздает.

– И леди Селия?.. – Энтони не мог произнести это вслух. Он поставил все до последнего фартинга и проиграл.

Герцог кивнул.

– Да.

– Понятно.

Какое-то время Гамильтон просто сидел в кресле, пытаясь осознать случившееся. Он всегда знал, что Селия может отказаться от него и приготовился к этому. Им едва не завладел безумный порыв попросить разрешения у герцога обратиться к самой Селии, чтобы выяснить, приняла она предложение другого только потому, что он, Энтони Гамильтон, не попросил ее руки. Вдруг Селия передумает?

Но нет. Она слишком честна для такого поступка. Если Селия приняла предложение, то лишь потому, что действительно хочет стать женой этого человека. И уж точно она никогда не мечтала об Энтони Гамильтоне, беспутном повесе и печально знаменитом игроке. Он не просто опоздал, у него с самого начала не было ни единого шанса.

– Разумеется, – пробормотал Энтони наконец. – Я желаю ей счастья.

Герцог чуть склонил голову.

– Мне жаль.

– Нет, – сказал Гамильтон. – В этом нет нужды. – Он выдавил мрачную улыбку. – Надеюсь, вы не расскажете леди Селии о… об этом. У нее такое доброе сердце, она начнет мне сочувствовать. – Он сделал паузу. – А я не хочу ее жалости.

– Я сохраню вашу тайну, – пообещал Эксетер.

– Благодарю. – С некоторым запозданием Энтони сообразил, что у него больше нет причин оставаться, и смущенно поднялся. Его мышцы, скованные напряжением с самого начала, еще не расслабились. Он откашлялся, но сказать ему было нечего. Поклонившись, Гамильтон попрощался и вышел.

За непродолжительное количество времени, что он провел в кабинете герцога, Эксетер-Хаус ожил. Энтони шел по коридору в сторону величественного главного холла, а вокруг суетились слуги с корзинами цветов.

Гамильтон услышал свое имя, обернулся и увидел направляющегося к нему Дэвида.

– О, Энтони, я вижу, ты все-таки выследил Маркуса?

– Да. – Нужно что-то сказать, прежде чем Дэвид опять начнет спрашивать, что они с герцогом обсуждали. – Смотрю, у вас в доме все вверх дном.

Риз поморщился.

– Бал. Дамы делают то ли венки, то ли букеты, я толком не знаю. – Он показал на открытую дверь чуть дальше по коридору. Гамильтон медленно подошел к ней и заглянул внутрь.

Селия сидела на софе, а перед ней возвышалась небольшая гора из роз. Лучи утреннего солнца проникали в большие окна и играли в ее золотистых локонах, а на светло-зеленую юбку падали розовые и желтые лепестки, пока она связывала цветы в небольшие букетики. Селия напоминала богиню кисти Боттичелли и была такой же недосягаемой. За спиной по-прежнему звучал голос Дэвида:

– … после свадьбы, конечно. Розалинда решила превратить это в главное событие сезона.

– Что? – спросил Энтони, отрываясь от Селии. – Что ты сказал?

– Селия выходит замуж за молодого Бертрама, – повторил Риз. – Юный бездельник. На мой взгляд, он человек довольно сомнительный, но моя мачеха заявила, что Селия станет женой того, кого выберет сама, и почему-то сестра остановила свой выбор на нем. Даже Маркус не может ей запретить.

– Ясно, – пробормотал Гамильтон. Его взгляд вернулся к Селии. Она весело смеялась вместе с остальными дамами и выглядела очень счастливой – влюблена, вздохнув, подумал Энтони.

– Ты решил свой вопрос с Маркусом? – вмешался в его мысли Дэвид.

– Э… да. – Гамильтон взял себя в руки. Он искренне надеялся, что герцог ни единой живой душе не расскажет об их разговоре.

– Он тебе помог? – продолжал интересоваться Риз.

– Да, – ответил Энтони. В комнате снова послышался женский смех, и Селия покраснела, явно от удовольствия. В горле пересохло. – Да дело-то пустяковое. Ничего важного.

– А. Понятно. – Дэвид еще минуту внимательно смотрел на друга. – Знаешь, в этом году у меня имеются несколько славных жеребят. Может, захочешь взглянуть на них или даже взять одного?

После женитьбы Риз сделался весьма хозяйственным. Он держал конюшню с потомством от самых лучших лошадей в Англии. Если бы Гамильтон мог позволить себе жеребца, то непременно соблазнился бы.

– Возможно, – ответил он. Совсем немногим была известна его финансовая ситуация, и Дэвид Риз в число этих людей не входил. Дэвид, безусловно, был отличным парнем и старым другом, но гордость не позволяла Гамильтону рассказать ему правду. Он и Эксетеру открылся лишь по необходимости, и посмотрите, что в результате: ничего.

Энтони попрощался с другом и ушел. Дневной воздух, удушающе жаркий, сразу же накрыл его горячей волной. Несколько секунд он помедлил на ступенях Эксетер-Хауса. До той минуты, когда Гамильтон вышел из ее дома, вероятно в последний раз, он даже не догадывался, как сильно надеялся…

Но, быть может, все к лучшему. В конце концов, кто он такой, чтобы претендовать на нее? Не зря же он раньше не позволял себе думать о Селии в таком смысле, и мудрость этого решения была осознана им сейчас, как никогда раньше. Энтони Гамильтон не тот мужчина, которого она любит или когда-нибудь способна полюбить. Он всего лишь друг ее брата, и Селия никогда иначе его не воспринимала. Он это переживет, как пережил и множество других разочарований.

Энтони в последний раз глубоко вздохнул и спустился по лестнице, больше не оборачиваясь.

Дневник леди Селии Риз

Июнь 1819

Завтра день моей свадьбы – наконец-то! Кажется, будто прошел целый год с той минуты, как мой дорогой будущий муж опустился на одно колено и сделал мне предложение, хотя в действительности прошло всего два месяца. Я чувствую себя самой счастливой девушкой в Лондоне – быть невестой джентльмена с такими манерами, таким обаянием, такой решительностью! Многие молодые леди тщетно мечтали, чтобы он им хотя бы улыбнулся. Но он выбрал меня! Это так романтично. Пожалуй, стоит записать все подробности его ухаживаний, чтобы потом рассказывать об этом нашим детям. В общем-то за тем мама и подарила мне этот дневник. Она сказала, что девушка должна где-нибудь хранить счастливые воспоминания, и мне этого очень хочется. Но сегодня нет времени. Пока достаточно сказать, что ни один джентльмен не способен быть настолько преданным девушке, как мой возлюбленный. Я буквально купаюсь в его любви и заботе, он балует меня стихами и цветами и уделяет столько внимания, что мне завидуют все до единой незамужние леди Лондона, да наверняка и замужние тоже! Не могу дождаться, когда все увидят мое платье. Это, безусловно, самое красивое подвенечное платье на свете. Оно сшито из голубого французского шелка, отделано по лифу крохотными жемчужинками и имеет множество кружев. Я надену мамину фату, и еще на мне будут атласные туфельки, искусно расшитые стеклянными бусинками в форме лилий, из которых составлен мой свадебный букет. Я уверена, что этот образ будут копировать по всей Англии.

Нужно ложиться спать – через каких-то десять часов я стану леди Бертрам!

Июнь 1819

Как чудесно быть замужем. В свадебное путешествие мы отправились в Озерный край. Хотя сам Берти не особенно интересуется пейзажами и красивыми видами, но он так преданно повсюду сопровождал меня. Когда я натерла ногу, он на руках отнес меня обратно в гостиницу! Мы устраивали очаровательные пикники и романтические прогулки, и Берти читал мне стихи. Кажется невероятным, но я влюблена в него даже сильнее, чем раньше.

Июль 1819

Первая ночь в нашем новом доме, аббатстве Кенлингтон. Оно совсем не похоже на Эйнсли-Парк. Это имение гораздо древнее, оно когда-то было монастырем. На первый взгляд аббатство кажется весьма внушительным и даже пугающим, в нем нет тех удобств, которые мама завела в Эйнсли. Наверное, этого следовало ожидать, ведь мать Берти умерла, когда он был еще совсем ребенком, и с тех пор хозяйки в Кенлингтоне не было. Признаюсь, мне немного страшно принимать управление таким домом, но я сделаю все возможное.

Берти немного рассказал про историю Кенлингтона, пока мы ехали, но он и сам признает, что не является таким знатоком семейной истории, как его отец. Каждый наследник Лансборо на протяжении трех столетий рождался в Кенлингтоне. Сердце трепещет при мысли, что я стану частью этой истории. И, может быть, уже скоро – Берти так внимателен, а мы женаты всего месяц!

Август 1819

Сегодня вечером состоится званый обед, приглашены все местные семьи, имеющие хоть какое-то положение в обществе. Лорд Л. очень серьезно относится к вопросу родословной и всегда представляет меня, как сестру герцога Эксетера. Предполагаю, так он подчеркивает, насколько выгоден брак со мной для Берти, но мне бы хотелось, чтобы это прекратилось. Я надеюсь завести здесь новых друзей и не хочу, чтобы меня сочли слишком гордой.

Странный вечер. Из всех гостей только леди Блэки показались мне достаточно дружелюбными. Это две сестры, старые девы, они живут неподалеку от Кесвика и обладают прекрасным чувством юмора и замечательными характерами. Сквайр и леди Мелтон тоже были добры, как, впрочем, и остальные гости, но все они примерно одного возраста с лордом Л. Присутствовали также два холостых джентльмена, друзья моего мужа. Берти весь вечер был в чудесном расположении духа, он до сих пор внизу, с сэром Оуэном Генри и мистером Уильямом Кейном. Я надеялась познакомиться с молодыми леди – собственно, вообще хоть с какими-нибудь леди, – но думаю, у меня еще появится для этого немало возможностей. Джейн Мелвилл написала уже дважды, я по ней скучаю.

Сентябрь 1819

Спокойный домашний вечер. Берти утром ушел на охоту с сэром Оуэном и мистером Кейном. Лорд Л., опасаясь за мое здоровье, убедил меня не ходить с ними, – я еще не привыкла к северному климату и могу простудиться. Не секрет, что лорд Л. хочет, чтобы мы с Берти как можно скорее подарили ему наследника. Берти – единственный ребенок и на данный момент последний в роду Лансборо. В день свадьбы отец Берти поцеловал меня в лоб и попросил, чтобы я успела родить наследника до его смерти. Я, конечно, очень стараюсь, но мне бы хотелось время от времени выходить из дома, пусть даже погода тут не так хороша, как в Кенте.

Сентябрь 1819

Ужасный день. Мы с Берти поссорились. Сегодня я хотела сходить в город, прогуляться, подышать свежим воздухом, а заодно посмотреть Кесвик. Муж отказался пойти со мной, потому что уже договорился порыбачить с мистером Кейном. Лорд Л. уговаривал его сопровождать меня, ведь до города далеко и есть опасность, что я заблужусь или сильно устану по дороге. Он все еще очень заботится о моем здоровье, но в Кенлингтоне так скучно, что и словами не описать. Никто не приезжает с визитами, и приемы крайне редки. Я бы обрадовалась даже обычному контрдансу.

Но Берти отказался меня сопровождать. Он заявил, что по отношению к мистеру Кейну будет грубостью отменить рыбалку. Возможно, мне следовало бы вести себя тактичнее, поскольку о рыбалке Берти договорился раньше, но у меня здесь вообще нет друзей, которых я могла бы навестить, и не секрет, что бо?льшую часть времени я провожу в доме. Поэтому мне не кажется, что я поступила ужасно, попросив мужа сопровождать меня. Уверена, мои братья так не пренебрегают своими женами.

Конец сентября 1819

Сегодня Берти повел меня в город, чтобы реабилитироваться за тот случай, когда он отказался быть сопровождающим. В последнее время мы редко бывали

вместе, а путь до города неблизкий, и со стороны могло показаться, что мы с мужем ни разу в жизни друг с другом не разговаривали! Он признался, что не особенно любит Камберленд и что поэтому так часто пребывает в дурном настроении. Камберленд хотя по-своему и довольно красивый, но все же намного суровее Кента; вероятно, этим и объясняется нервозность Берти в последнее время. Тем не менее прогулка получилась прелестной, мой муж даже сочинил по дороге стихотворение, но оно получилось настолько неудачным, что мы хохотали, пока не заболели животы.

Пребывание в городе оказалось насыщено встречами. Пили чай с еще одной недавно поженившейся парой, мистером и миссис Уинслоу. Мистер Уинслоу, только что посвященный в духовный сан, вырос в Кесвике, и они с Берти добрые знакомые. Миссис Уинслоу показалась мне довольно славной, и я бы с удовольствием познакомилась с ней поближе, но они скоро уезжают в Дербишир, в новый приход мистера Уинслоу.

Ноябрь 1819

Пришло письмо от мамы и еще одно от Джейн. В последнее время я веду очень активную переписку! Мама пригласила нас на Новый год в Эйнсли-Парк, но лорд Л. не хочет, чтобы мы уезжали. Он все еще надеется на скорое появление наследника, и ему очень не нравится мысль о путешествии. Лорд Л. сказал, что я могу пригласить маму в Кенлингтон на будущий год. Думаю, так и нужно сделать.

Джейн спрашивает, когда мы снова собираемся в Лондон. Берти, как и я, очень хочет вернуться в Лондон весной. Будет так чудесно вместе посещать балы и театр!

Январь 1820

Сегодня я очень подавлена. Мы все-таки не поедем на сезон в Лондон. У лорда Л. ревматизм, и он прикован к креслу. Доктор говорит, что ему противопоказаны путешествия в течение нескольких месяцев. Я очень расстроилась, потому что лишаюсь прелестей Лондона и потому что не увижу Ханну с Маркусом. Мама написала, что у Ханны в этом году родится ребенок. Впрочем, об этом я ни мужу,

ни лорду Л. сообщать не стала. У нас пока нет даже намека на появление наследника.

Я попросила Берти еще раз уточнить у отца про сезон, но он отказался. Я вижу, что муж тоже расстроен, поэтому он ушел с сэром Оуэном в паб в Кесвике и вряд ли вернется до рассвета.

Февраль 1820

О ужас. После обеда лорд Л. попросил ему почитать. У него слабеет зрение, и, как он говорит, ему доставляет огромное удовольствие мой голос. Я послушно читала почти час, а затем – даже не знаю, что на меня нашло, – спросила, можно ли нам поехать на сезон в Лондон.

– Нет, моя дорогая. Я уже все объяснил сыну, – сказал он. – Ваша жизнь должна проходить в Кенлингтоне. Вам пора освоить роли хозяина и хозяйки. Вы оба нужны здесь, а Берти только пойдет на пользу, если он немного остепенится.

– Но раньше Берти проводил в Лондоне каждый сезон, – решилась я возразить. – И как же парламент?

– Берти нужно было найти жену, и он отлично справился. Когда он станет Лансборо, ему придется бывать в Лондоне по случаю заседаний в парламенте, и вы сможете сопровождать его каждую весну. У меня слабое здоровье, и я теперь не могу брать на себя много дел, моему сыну пора присоединиться к управлению Кенлингтоном, а из Лондона это делать невозможно. Надеюсь, я вас не очень расстроил, моя дорогая. Я уверен, в будущем году вы произведете настоящий фурор в обществе.

Лорд Л. не может поехать из-за слабого здоровья и не хочет, чтобы и мы с Берти уезжали. Не думаю, будто жизнь в Кенлингтоне настолько сложно устроена, что мы должны проводить здесь каждый день, обеспечивая порядок. Берти не проявляет ни малейшего интереса к делам поместья и проводит в нем как можно меньше времени, несмотря на наставления лорда Л. Теперь Берти почти каждый день куда-то уходит и возвращается только к утру. Думаю, ему так же скучно, как и мне, но он предпочитает проводить время в других местах. Я уверена, вместе мы смогли бы как-то развлечься, но без него здесь ужасно тихо

и одиноко.

Май 1820

Полнейшее разочарование. Нас пригласили на обед к Мелтонам, но разразилась ужасная гроза. Берти заявил, что все равно пойдет и не станет проводить вечер дома, хотя отец умолял его не рисковать. Берти настоял на своем и ушел, а мы с лордом Л. остались, потому что за окном свирепствовала стихия.

Странно, почему муж так рвался уйти; за последний месяц он провел дома в общей сложности не больше десяти дней. Здоровье его отца ухудшается, и лорд Л. все сильнее беспокоится о Берти. Мне бы очень хотелось, чтобы муж больше времени уделял делам Кенлингтона, освободив от них своего отца и предоставив тому возможность поправиться.

Май 1820

Берти не возвращался домой целых четыре дня. Он прислал записку, где говорилось, что несколько гостей из Оксфордшира тоже задержались и что он не может отказать себе в удовольствии побыть в таком превосходном обществе.

Очень грустно, что мое общество он находит не столь превосходным и желанным.

Июнь 1820

Берти вернулся домой в прекрасном настроении. Ничто не радует его больше, чем компания близких друзей. Однако его отец серьезно болен, и они сильно поссорились.

Я всегда старалась быть на стороне мужа во время его ссор с отцом, но на этот раз, следует признать, что лорд Л. прав. Берти должен проводить в Кенлингтоне намного больше времени. Он решил, что таким образом я демонстрирую отсутствие преданности мужу. Неужели мне нельзя просто выразить свое

мнение? Я-то думала, что мы можем быть откровенны друг с другом, но Берти, похоже, считает иначе.

Август 1820

Сегодня пришло письмо от мамы. Она рассказывает о новорожденном сыне Маркуса, которого назвали Томасом. Лорд Л. обрадовался и попросил передать его поздравления, но после выглядел печальным и усталым и рано ушел к себе. Берти сказал, что я не должна была сообщать эту новость его отцу. Когда я ответила, что хотела бы съездить посмотреть на младенца и вообще повидаться с семьей, Берти сказал, что это только лишний раз расстроит отца, и, пожалуй, он прав. Я не хочу, чтобы из-за меня лорд Л., который так отчаянно мечтает о внуке, еще сильнее печалился. Берти сказал, я могу написать Маркусу и Ханне и отправить им подарок.

Очень надеюсь, что следующий сезон мы все-таки проведем в Лондоне.

Декабрь 1820

Скучное Рождество в Кенлингтоне. Мама собиралась приехать, но сильный холод вынудил ее остаться дома до тех пор, пока дороги не перестанут представлять опасность для путешественников.

В ее письме содержатся недвусмысленные намеки. Нисколько не сомневаюсь, что мама недоумевает, почему через полтора года после свадьбы мы все еще не произвели на свет малыша. Я не могу рассказать ей, что мой муж предпочитает вечерами пьянствовать в «Черном быке» в Кесвике, а не проводить время с женой. Боюсь, бесконечные речи лорда Л. о наследнике спровоцировали обратный эффект. Чем старательнее он заталкивает сына в мою спальню, тем быстрее Берти бежит в противоположную сторону, предоставляя мне возможность ежемесячно сообщать лорду Л. о том, что я не нахожусь в положении. До тех пор пока у нас не родится ребенок, лорд Л. не отступится от сына, а Берти будет сбегать все то время, пока отец донимает его. Ужасная путаница.

Нельзя сказать, что муж категорически меня избегает, поэтому я слегка беспокоюсь, что у нас до сих пор ничего не получилось. Может быть, появление ребенка оживило бы наши отношения с мужем и привнесло бы насыщенность в мою жизнь.

Февраль 1821

Мама прислала журнал с последними модными веяниями. Она удивлена, что мы и в этом году не приедем на сезон в Лондон. Я ответила, что у лорда Л. проблемы со здоровьем и он нуждается в моей заботе. Это не совсем правда, но и не совсем ложь. Истина заключается в том, что Берти отказывается даже спрашивать у отца разрешения, а без этого у нас нет необходимых средств.

Я не уверена, что вообще получила бы удовольствие от сезона. Боюсь, я сделалась неприлично тихой и скучной, зато теперь гораздо лучше вышиваю и прочитала кучу книг.

Март 1821

Сегодня после ленча лорд Л. позвал меня в свою комнату. Он подарил мне великолепный комплект драгоценностей, почти способный соперничать с жемчугами Эксетера. Они принадлежали матери Берти, объяснил он, а теперь должны стать моими.

Я его поблагодарила и ушла. Думаю, лорд Л. опасается приближения смерти. Уверена, его намерения были самыми добрыми, но я вернулась в свою комнату в мрачном настроении. Здесь, в этой жизни, мне некуда надевать драгоценности.

Апрель 1821

Мама спрашивает, может ли она к нам приехать. Я трусливо ответила «нет». Она будет рассказывать новости о сыне Маркуса, а это лишь расстроит лорда Л. и разозлит Берти. Кажется, сейчас его раздражает почти все предложенное мной, а остальное просто не интересует.

До того как мы поженились, Берти обещал, что будет любить и обожать меня вечно. Или мы по-разному понимаем значение слова «обожание», или вечность оказалась намного короче, чем я предполагала.

Май 1821

Джейн Мелвилл помолвлена и собирается замуж за старого друга Дэвида, мистера Перси! Сначала она не называла жениха по имени, просто написала, что мы будем практически сестрами, потому что ее будущий муж – близкий друг моего брата. На мгновение я подумала, что речь идет о мистере Гамильтоне, ведь и Джейн, и все остальные молодые леди Лондона испытывали перед ним благоговейный трепет. Не без стыда признаюсь, что эта мысль мне совсем не понравилась. Джейн совершенно очаровательна, но она никогда по-настоящему не сможет понять мистера Гамильтона.

Полученные новости заставили меня в первый раз за множество месяцев вспомнить о нем. Берти вряд ли бы это понравилось, но я скучаю по тому, как легко было поддразнивать мистера Гамильтона. Я никогда не смеялась столько, сколько с ним.

Июль 1821

Лорду Л. по-прежнему нездоровится. Его состояние расстраивает Берти, и он теперь бывает дома еще реже. За две недели мы с ним вряд ли обменялись и парой слов. Я больше не знаю, о чем говорить с мужем. Дома он всегда молчалив и угрюм, зато в компании весел и очарователен. Не понимаю, почему раньше я этого не замечала.

Август 1821

Завтра Берти уезжает в Йорк, на охоту с другими джентльменами, в охотничий домик мистера Кейна. Лорд Л. недоволен. Вчера вечером я слышала, как они почти час кричали друг на друга. Отец хочет, чтобы Берти взял на себя управление Кенлингтоном, но мой муж этого делать не собирается. Когда я

спросила, почему он не хочет проявить чуть больше интереса к своему же будущему поместью, он ответил, что неприятностей, связанных с имением, ему хватит на долгие годы после смерти отца и он не намерен принести в жертву еще и свою молодость. Ему двадцать семь. Когда умер мой отец, оставив Эксетер-Хаус Маркусу, брату было всего двадцать три. Я не помню, чтобы он хоть раз жаловался на неприятности.

Из-за дерзости моего вопроса Берти упрекнул меня в сварливости и велел побольше вышивать. Мне захотелось швырнуть ему в голову пяльцы.

Август 1821

Сегодня пришло письмо от мужа с просьбой прислать денег. Я должна немедленно попросить об этом лорда Л. Сначала я испугалась, что Берти ранен или ему угрожает опасность, но в этом случае друзья, конечно же, пришли бы ему на помощь. Интересно, что же случилось?

Август 1821

Лорд Л. не хочет посылать сыну деньги, надеюсь, и не пошлет! После обеда я услышала, как сплетничали две горничные. Одна из них сказала, что узнала от человека, принесшего письмо, – деньги Берти нужны, чтобы избежать скандала с какой-то девицей из Йорка. Похоже, мой муж развлекался с ней! Я буду счастлива, если ему придется остаться в Йорке и сполна насладиться всеми последствиями своего поступка.

Но боюсь, в этом случае бедная девушка останется ни с чем, что будет нечестно. Наверняка она, как и все прочие, была ослеплена обаянием и манерами Берти.

Сентябрь 1821

Сегодня Берти вернулся из Йорка в прекрасном настроении и очень ласково поприветствовал меня и отца. Я не изменила своих намерений. Как только мы остались одни, я спросила мужа, правду ли говорят про девушку из Йорка. Он

отругал меня за невоспитанность, но ничего отрицать не стал.

Такое чувство, что с моих глаз упала пелена. Вот он, Берти, такой, каким всегда был: обаятельный и решительный, когда нужно произвести впечатление, но заносчивый, самонадеянный и эгоистичный в остальное время. Я совершила ужасную ошибку и не знаю, можно ли все исправить.

Сентябрь 1821

Мы с мужем не разговаривали целую неделю. Он считает, что я слишком серьезно восприняла случившееся в Йорке и напрасно поссорилась с ним. Ума не приложу, почему я была так слепа и не видела истинного характера Берти. Он не только ничего не отрицает и не пытается опровергать обвинения в недостойном поведении. Берти называет меня мегерой, потому что я осмеливаюсь говорить о его поступке! Как будто я виновата в том, что желаю видеть мужа рядом с собой!

Октябрь 1821

В этом месяце пришло два письма от мамы. Я не знаю, что отвечать. Даже страшно представить, что она узнает об истинном положении дел между мной и Берти. Мама была так рада, что я выхожу замуж по любви, и вот как все повернулось. Правда разобьет ей сердце. Впрочем, не знаю, сколько еще я смогу продолжать обманывать. Если мама приедет в гости, то сразу же поймет, насколько все плохо.

Февраль 1822

Лорд Л. чувствует себя немного лучше. В последнее время погода стала налаживаться, и я убедила его каждый день выходить на прогулку в сад. Он уверяет, что это оказалось очень полезным, а поправившись, объявил, будто даже сможет поехать на сезон в Лондон. Думаю, это что-то вроде компенсации за безобразное поведение Берти.

Вечером я дожидалась мужа, чтобы сообщить ему новости, но он вернулся из «Черного быка» очень поздно, насквозь промокший и в отвратительном настроении. Он был так пьян, что не понял ни слова из сказанного. В последнее время Берти пьет настолько много, что это становится вредно для здоровья, но я не решаюсь сделать ему замечание. Все мои комментарии бывают встречены только негодованием или бранью. Остается надеяться, что время, проведенное в лондонском светском обществе, поможет наладить отношения, но не знаю, сможем ли мы когда-нибудь возродить прежние чувства.

Февраль 1822

Берти заболел. Я сидела с ним прошлой ночью, но он так злился, что пришлось на него прикрикнуть. Тогда он прорычал, чтобы я уходила, и я ушла. Однако нечестно перекладывать обязанности сиделки на горничных, поэтому сегодня ночью я попытаюсь еще раз. Безусловно, жена должна ухаживать за больным мужем, но не могу сказать, что это приятная обязанность.

Лорд Л. негодует. Он сказал, что надеялся, будто женитьба и ответственность за имение обяжут сына стать благоразумнее и серьезнее, но этого не произошло. Не знаю наверняка, винит ли лорд Л. в этом меня. Я-то уж точно стала благоразумнее и серьезнее.

Может быть, я плохая жена, раз позволяю себе подобные мысли, но сложно испытывать жалость к почти тридцатилетнему мужчине, которого не заботят ничьи комфорт и счастье, кроме собственных.

Март 1822

Сегодня утром Берти умер.

Доктор сказал, была острая пневмония.

Лорд Л. полностью раздавлен.

Март 1822

Сегодня мой муж упокоился вечным сном в склепе Лансборо. Лорд Л. весь день тихонько плачет. Он последний из Бертрамов, потому что его сын ушел, не оставив наследника. Лорд Л. выглядит на дюжину лет старше, чем пару недель назад.

Меня никто не беспокоит, все решили, что я убита горем. Может, и убита. Я не знаю. Я не испытываю ни боли, ни страданий, не чувствую утраты. Просто сижу и смотрю в никуда и не могу осознать, откуда эта пустота внутри.

Не думаю, что я продолжу вести дневник. Боюсь, мои мысли не стоят того, чтобы их записывать.

Глава 4

Весна 1823 года

Селия, леди Бертрам, прислонилась щекой к стенке кареты и смотрела в окно. Прошло так много времени с тех пор, как она покинула Лондон, что Селия уже забыла, какой это шумный и суетливый город. Карета ехала по улицам, наполненным другими каретами, а еще джентльменами верхом на лошадях, пешеходами и уличными торговцами. После тихого и уединенного аббатства Кенлингтон все здесь казалось слишком шумным, грязным и настолько чуждым, что Селии с трудом верилось, будто она когда-то здесь жила.

Мать, некоторое время назад задремавшая, проснулась, когда колеса загрохотали по булыжникам мостовых.

– Боже, мы уже почти дома! – Она прикрылась носовым платком и зевнула. – Ты себя неважно чувствуешь?

Селия быстро выпрямилась.

– Нет, мама.

Мать просияла.

– Так хорошо, что ты к нам вернулась, моя дорогая. Я по тебе очень скучала эти четыре года. Ты будешь потрясена, увидев, как в Эксетер-Хаусе все изменилось. Двое маленьких мальчиков с легкостью переворачивают дом вверх дном! И конечно, Дэвид с Вивиан тоже приедут в город на пару недель. О, моя милая, мы все так по тебе скучали… – Розалинда продолжала говорить, подробно рассказывая обо всем, что произошло после отъезда Селии. Дочь ее не слушала. Селия находилась в рабстве рассказов матери уже больше недели, с тех пор как они покинули аббатство Кенлингтон. Селия даже не догадывалась, насколько сильно привыкла к тишине, пока не оказалась вынуждена выслушивать бесконечные новости восемь дней подряд.

Карета остановилась перед Эксетер-Хаусом, лакей опустил лесенку, и Розалинда вышла первой. Следом за ней выбралась Селия, не отрывая взгляда от дома и ожидая, что ее захлестнет привычный восторг. Эксетер-Хаус всегда воодушевлял ее, а приезд в город расценивался как грандиозное приключение. Селия запрокинула голову, чтобы оценить всю роскошь особняка, и… не почувствовала ничего. Ни трепетного предвкушения, ни ощущения, что она дома; казалось, Эксетер-Хаус – обычное место, куда она приезжала очень давно и ненадолго. Может быть, стоило попросить маму отправиться сначала в Эйнсли-Парк, а не в Лондон? Возможно, в Эйнсли Селия смогла бы почувствовать себя как дома и избавилась бы от ощущения, что она посторонняя, пытающаяся проникнуть туда, где ей не место?

Селия вслед за матерью прошла мимо приседающих в реверансе и отдающих поклоны слуг в дом. Холл выглядел точно так же, как раньше, и все-таки по-другому. Когда-то белые стены теперь стали желтыми. На столике около двери стоял букет лилий.

Селия развязала ленты шляпки, чувствуя себя практически самозванкой.

– О, вы приехали! – Ханна, герцогиня Эксетер, появилась в дальнем конце холла и торопливо пересекла его. Она быстро обняла Селию и чуть отодвинулась, разглядывая ее. – Так чудесно снова тебя видеть, – с теплотой в голосе произнесла герцогиня. – Надеюсь, поездка была не слишком утомительной.

– Нет-нет, всю дорогу стояла чудесная погода, – ответила Розалинда. Она уже сняла дорожный плащ и шляпку и подошла поздороваться с Ханной. – Как вы тут без нас?

Ханна засмеялась.

– Жили в ожидании! Только и слышали: «Они уже приехали? Бабушка и тетя Селия вернулись? А сегодня приедут?» – Она покачала головой. – Эти трое неисправимы.

– Трое? – Селия отдала лакею плащ, а через мгновение пожалела об этом, сообразив, как мрачно и уныло выглядит ее запылившееся помятое черное платье.

– Да, Молли рассказала о тебе Томасу и Эдварду все, что только возможно, – улыбнулась Ханна. – Они просто с ума сходят, так хотят скорее с тобой познакомиться.

Проницательный взгляд голубых глаз скользнул по лицу Селии, но никакой реакции герцогиня не выразила. Селия предположила, что теперь кажется Ханне другой, так же как и сама Ханна выглядит иначе: темные волосы стали более гладкими, больше никаких небрежно болтающихся черных кудрей, а у глаз появились едва заметные морщинки, каких Селия не замечала раньше. Но Ханна жила с Маркусом в Лондоне, и у нее двое детей. Должно быть, за прошедшие четыре года в ее жизни многое изменилось.

Селия выдавила улыбку.

– А мне очень хочется познакомиться с ними. Мама так много рассказывала.

Ханна закатила глаза и засмеялась.

– О них можно рассказывать бесконечно! Ты в жизни не видела бо?льших сорванцов.

– Просто не терпится, – негромко отозвалась Селия.

– Но сначала нужно отдохнуть с дороги.

Герцогиня повернулась и позвала дворецкого.

– Харпер, пожалуйста, пусть через час нам подадут чай. – Дворецкий поклонился и торопливо ушел. – Я велела приготовить тебе комнату. Ты наверняка устала и хочешь передохнуть.

Селия кивнула не столько потому, что действительно устала, ей просто требовалось немного побыть одной. Поразительная ирония: она так отчаянно тосковала по друзьям и семье все эти месяцы в Кенлингтоне, а теперь испытывает столь же отчаянное желание сбежать подальше от близких. Ей, как матросу, вернувшемуся на сушу после нескольких месяцев в море, требовалось время, чтобы заново привыкнуть к этому дому и к Лондону. Она молча последовала за Ханной и матерью вверх по лестнице, не понимая, о ком и о чем они разговаривают.

По коридору они дошли до комнаты, принадлежащей Селии с самого детства. Ханна остановилась у двери.

– Ну, пока не буду тебе мешать. Дети просто с ума сойдут, когда узнают, что ты приехала, и я обещала предупредить Молли сразу же, как только ты вернешься. О, Селия, я так рада тебя видеть! – И Ханна опять обняла ее.

Услышав про Молли, Селия почувствовала, что невольно улыбается.

– Мне не терпится скорее снова увидеть Молли. Она будет пить с нами чай?

– Я сейчас же ее приглашу, – засмеялась Ханна.

– Тебе что-нибудь нужно, дорогая? – ласково поинтересовалась Розалинда.

Селия покачала головой.

– Нет, мама. Я просто немного отдохну.

Вдовствующая герцогиня сжала ее ладонь.

– Ну, тогда мы тебя оставим.

Они вместе зашагали по коридору. Селия какое-то время смотрела им вслед, а затем вошла в комнату.

Она словно попала в прошлое. Здесь все было точно таким, каким она помнила. Должно быть, Ханна закрыла комнату и ни разу не открывала ее. Селия прошла дальше, удивленно осматриваясь. В последний раз она была в этой комнате в качестве юной невесты. В ее голове начали пробуждаться воспоминания. Подвенечное платье висело на манекене, горничная сказала, что его утюжили три часа и теперь боятся, что оно снова может помяться. Это было вечером перед свадьбой. Тогда Селия долго не могла заснуть и от возбуждения с трудом заставляла себя оставаться в кровати.

Она подошла к окну и выглянула на улицу. Внизу расстилались сады, роскошные и разноцветные. Куда ярче, чем в Кенлингтоне, там господствовала практичность, ведь многие растения не могли пережить суровые северные зимы.

Селия отвернулась от окна и села за свой туалетный столик. Не только растения чахли в Камберленде. Селия, наклонившись вперед, стала внимательно рассматривать свое отражение.

Вне всякого сомнения, она стала выглядеть старше. Селия столько раз видела себя в этом зеркале, и на мгновение ей представилось, что там снова появится та розовощекая, улыбающаяся девушка из прежних времен. Но в зеркале появилась какая-то леди с бледным, исхудавшим лицом и светлыми волосами, собранными в унылый пучок. Взгляд голубых глаз стал серьезным, и румянец со щек исчез. Черное траурное платье только подчеркивало ее бледность и полное отсутствие свежести. Ресницы затрепетали, веки опустились, и на мгновение вспомнилось красивое лицо Берти, улыбающееся над ее плечом в этом самом зеркале. Его руки, обнимающие ее. Его дыхание на шее, когда он шепчет слова любви. Эти слова теперь насмешливым эхом отдавались в пустоте, царившей внутри. Селия открыла глаза.

Берти больше не отражался в зеркале. Очаровательный юноша, за которого она вышла замуж, исчез, он мертв, как и равнодушный муж, в которого он превратился. Осталась только она, но неизвестно, какую ее часть Берти забрал с собой в могилу.

Селия медленно встала. Вероятно, она утомилась и проголодалась, во всяком случае, так должно быть после долгого путешествия. Но мысль о том, чтобы лечь и отдохнуть, совсем не привлекала, и одиночество больше не способствовало облегчению, даже в комнате, бывшей когда-то ее убежищем. Селия вышла в коридор, где встретила Ханну.

– О, – удивленно воскликнула невестка. – Ты что, не устала?

Селия слабо улыбнулась.

– Не особенно. Я слишком давно не была дома, чтобы проспать целый день.

– Конечно. – Ханна улыбнулась и больше не стала ни о чем спрашивать. Интересно, что наговорила ей мама? – Я как раз собиралась подняться наверх, проведать детей. Хочешь со мной?

– Да, спасибо. – Селия еще никогда не видела сыновей Маркуса и Ханны. – Говорят, с мальчиками всегда трудно.

Ханна вздохнула и покачала головой.

– Это верно. Малыш, он, конечно, пока еще просто малыш, а вот Томас… ой, мамочки, этот Томас. Мы бегаем за ним с утра до ночи. – Она стала подниматься по лестнице к детской, залитой светом комнате, дверь в которую была открыта.

Маленький мальчик с волнистыми темными волосами сидел за столом и расставлял оловянных солдатиков. Когда они вошли, он поднял голову, и его голубые глаза заблестели.

– Мама! – закричал он, спрыгнул со стула и кинулся в объятия Ханны.

– Томас! – воскликнула она в ответ, сгребая сына в охапку. – Я к тебе кое-кого привела. – И повернулась к Селии. – Приехала твоя тетя, леди Бертрам.

Мальчик, будучи в объятиях матери, прижался щекой к ее плечу и принялся рассматривать Селию. Он был плотным и крепким, с яркими, полными

любопытства глазами. Селия подошла поближе и быстро присела в реверансе.

– Я счастлива познакомиться с вами, сэр, – сказала она. – Но вы должны называть меня не леди Бертрам, а тетя Селия.

– Сииилиии, – прошептал он и уткнулся в плечо Ханны. Ханна засмеялась, а Селия улыбнулась. Наверное, по правилам к мальчику, как к наследнику Маркуса, следует обращаться «Тависток», но эти учтивости так нелепы по отношению к трехлетнему малышу.

– Можно мне познакомиться с твоим братом? – спросила Селия. Не поднимая головы, Томас кивнул, и Ханна повела ее в соседнюю комнату. В колыбельке около окна спал малыш с круглым личиком и пушистыми кудряшками, сжимая крохотными пальчиками деревянную уточку.

– Он обожает эту утку, – прошептала Ханна, поудобнее устраивая на руках старшего сына. – Не может без нее заснуть.

Губы Селии растянулись в улыбке; она вспомнила, как выбирала эту уточку для своего племянника еще до его рождения у торговца, проживающего в Кесвике и вырезающего из дерева поразительно реалистичных животных. Это было за неделю до того, как заболел Берти. Улыбка увяла, и Селия тихонько вздохнула.

– Такой красивый ребенок, – прошептала она. Такого красивого ребенка у нее нет и не будет.

– Спасибо, – отозвалась Ханна голосом, полным любви и гордости. – Но нам пора идти к Молли.

Она усадила Томаса обратно за стол, уговорила его без возражений остаться в детской, и они ушли, поручив мальчика няне, которая все это время тихонько ждала в углу.

Молли была в классной комнате, где, как смутно припоминала Селия, и сама она когда-то решала задачи и писала сочинения. Молли Селия помнила очень хорошо – очаровательное дитя, обожавшее копаться в грязи и ловить жучков и рыбок, – и поэтому растерялась, увидев большую девочку, которая подняла

голову, когда они вошли в комнату.

– Тетя Селия! – Девочка встала и присела в реверансе. – Как я рада снова вас видеть!

– И я тебя, Молли, – тепло отозвалась Селия. – Хотя я тебя едва узнаю. Ты стала такая высокая!

Девочка заулыбалась. Она и вправду сильно подросла (или так показалось Селии), а вместо копны перепутавшихся длинных светлых кудрей у нее теперь были аккуратно причесанные волосы цвета темного меда. Ее лицо вытянулось и приобрело четкие контуры, она стала очень похожа на свою мать. Зато руки были, как всегда, грязными.

Должно быть, Молли тоже это осознала, потому что покраснела и спрятала руки за спину.

– Простите, – сказала она. – Просто я работала над рисунком.

– Можно посмотреть?

Молли кивнула, и Селия подошла к столу. Там лежал тюльпан, аккуратно разрезанный пополам, а рядом незаконченный рисунок. Девочка тщательно срисовывала все элементы растения и подписывала их.

– Очень хорошо, – похвалила Селия.

– Спасибо. – Молли пересекла комнату и принесла альбом. – А тут остальные. Мистер Григгз решил учить меня всему, что связано с садовыми растениями.

Селия удивлялась все сильнее по мере перелистывания страниц альбома.

– Они чудесны, – сказала она, больше поражаясь самоотдаче и усердию, чем технике рисунка. В свои девять лет Селии не хватило бы ни терпения, ни заинтересованности.

Молли просияла.

– Спасибо, мэм.

– Пожалуйста, называй меня тетя Селия, как раньше.

Лицо Молли оживилось еще больше.

– С удовольствием, тетя Селия.

– Мисс Престон пора идти на урок верховой езды, ваша светлость, – сказала неожиданно появившаяся молодая женщина, вероятно, гувернантка.

Ханна посмотрела на Молли.

– Если хочешь, приходи после урока пить с нами чай.

– Да, спасибо. – Девочка еще раз улыбнулась Селии. – Увидимся за чаем.

– Да. – Селия улыбнулась в ответ и вышла вслед за Ханной из комнаты, а Молли пошла переодеваться для верховой езды. – Она так выросла, – снова сказала Селия.

Ханна развеселилась.

– Правда? А еще Молли стала настоящим экспертом во всем. Какой бы вопрос ни возник, у нее уже есть ответ, и она немедленно его сообщает. Твоя мать говорит, что этим Молли очень похожа на Маркуса, только я сомневаюсь, что подобное поведение приличествует девочке девяти лет.

– А где Маркус? Он придет? – Почему-то Селия колебалась, пытаясь понять, хочет ли увидеть брата. У нее возникло странное дурное предчувствие. В конце концов, Маркуса чуть ли не заставили дать Берти разрешение жениться на Селии, ведь брат был против. Конечно, он не станет говорить об этом, но и полагать, что Маркус обо всем забыл, глупо.

– Он скоро вернется. И еще я пригласила на сегодняшний обед Вивиан и Дэвида, если, разумеется, тебя это не очень утомит.

– Нет, – заверила Ханну Селия. Может быть, в окружении семьи настроение у нее поднимется и она снова почувствует себя свободно.

Но ничего не вышло.

Дэвид обнял сестру так крепко, что даже слегка приподнял ее. Вивиан, которая в воспоминаниях Селии была настороженной и сдержанной, явно успела влиться в семью, хотя с Розалиндой все еще вела себя очень официально. Она была без корсета, и под платьем вырисовывался круглый животик, подтверждающий, что через несколько месяцев у нее родится малыш. Вернулся Маркус и поздоровался с сестрой почти так же тепло, как Дэвид, но Селия боялась, что от его проницательности не скроется все то, чего не заметил Дэвид. Впрочем, как и ожидалось, Маркус ничего не сказал.

– За Селию! – объявил за обедом Дэвид, подняв бокал с вином. – Чертовски хорошо, что ты снова вернулась в Лондон.

Все остальные тоже подняли бокалы и поддержали тост.

Ощущая себя не в своей тарелке, Селия улыбнулась.

– Я так рада снова видеть вас всех.

Словно почувствовав, что она не особенно стремится разговаривать, Ханна перевела беседу на другую тему. Селия просто сидела и молча слушала, как они обсуждают людей и события, о которых она почти ничего не знает. На нее то и дело поглядывали, но так как Селия ничего не могла добавить, то и внимания на них старалась не обращать. Но в конце концов ей кое-что пришло в голову.

– Дэвид, твой друг, мистер Перси, сейчас в городе?

– Перси? Вроде должен вот-вот приехать на сезон.

– Он женился на моей подруге, Джейн Мелвилл, – пояснила Селия. – Я бы хотела с ней увидеться.

– Э… верно. – Дэвид кашлянул. – Да. Думаю, ты с ними увидишься.

Селия улыбнулась и кивнула, но больше сказать ей было нечего. После короткой заминки Дэвид начал новую тему. Остаток обеда Селия просидела, уставившись в тарелку и ощущая себя все более потерянной.

Если она чувствовала себя слишком скучной и несведущей в столовой, то в гостиной все стало еще хуже. Дэвид уселся на небольшой диванчик рядом с женой и откровенно ее обнял. Детям разрешили зайти и пожелать всем спокойной ночи, а затем Маркус с Ханной повели их наверх. Малыш Эдвард радостно махал ручкой, сидя на руках у матери, а Томас подпрыгивал на плечах у отца. Молли тоже спустилась, и Селия заметила, что, выходя, она сунула в ручку Эдварда деревянную уточку.

Только она одна сделала плохой выбор. Оба брата, невзирая на сплетни и скандалы, сопровождавшие вначале их браки, сейчас счастливы. Только Селия, со своей самой шикарной свадьбой сезона, вышедшая замуж за завидного, респектабельного джентльмена, несчастна. Какое-то время она молча гадала, как же могла так оплошать. Интересно, а если бы она сбежала с актером, или тайком вышла замуж в Шотландии, или сделала бы еще что-нибудь из ряда вон выходящее, повернулась ли бы ее жизнь по-другому? Стала бы лучше?

– Ну что ж. – Улыбающаяся Розалинда села рядом с дочерью, прервав раздумья Селии. – Я тут немного поразмыслила над твоим гардеробом – завтра к нам придет мадам Лешо.

Селия с тревогой посмотрела на нее.

– Мама… мне пока совсем не хочется никуда выезжать.

– Конечно, – тут же согласилась Розалинда. – Но дорогая, уже пора снять траур. А с тех пор как ты покинула Лондон, мода сильно изменилась.

Селия вздохнула. Пусть так. Может, если она перестанет одеваться как вдова, то не будет чувствовать себя мертвой.

– Да, наверное, изменилась.

Розалинда просияла.

– Как я по тебе скучала, милая! Все-таки матери необходимо, чтобы дочь была рядом.

Селия не знала, что на это ответить. Нужно ли дочери, чтобы мать была рядом? Почему-то пока она ощущала себя лишней в окружении родственников. Вместо того чтобы чувствовать себя дома, Селия испытывала кошмарное ощущение, что отныне у нее нет дома, нет места, где можно чувствовать себя легко и непринужденно. Эксетер – теперь дом Маркуса и Ханны, Дэвиду и Вивиан хорошо вдвоем. А Розалинда, похоже, твердо решила снова сделать дочь счастливой, чтобы они, как в прежние времена, могли вместе болтать и ходить по магазинам.

Селия окинула взглядом большую светлую комнату. Мне здесь не место, думала она.

Мама собралась поговорить о чем-то еще, но Селия поняла, что больше не выдержит ни минуты. Она сослалась на усталость и, извинившись, ушла к себе.

Глава 5

Селия, привыкшая к деревенскому образу жизни, да еще так рано вчера уснувшая, встала очень рано. Когда к ней вошла Агнес, горничная, Селия сказала, что позавтракает внизу частично потому, что надеялась снова почувствовать себя дома, если присоединится к семье, частично потому, что хотела скорее выйти из этой комнаты, наполненной воспоминаниями. Она оделась и сошла вниз.

Дверь в комнату для завтраков была открыта. Услышав голос матери, Селия нацепила улыбку и пообещала себе, что сегодня утром будет приветливее.

Но тут она услышала обрывок разговора и остановилась за дверью.

– Но счастлива ли Селия? – мягко спросила Ханна.

Наступило молчание. Селия затаила дыхание, дожидаясь ответа матери. Она сама хотела понять это и узнать мнение Розалинды. Счастлива ли? Селия не знала. Прошло так много времени с тех пор, как она хоть что-то чувствовала. Селия не могла сказать, что несчастна, но ведь наверняка это не то же самое, что быть счастливой.

– Я за нее боюсь, – послышался, наконец, голос матери, настолько тихий, что Селии пришлось подойти ближе к двери, чтобы расслышать. – Она стала такой молчаливой.

– Она потеряла мужа, – возразила Ханна. – Нужно время, чтобы горе…

– Нет, – перебила ее Розалинда. – Не думаю, что дело в этом.

– Тогда в чем?

– Боюсь… – Мать еще сильнее понизила голос. – Боюсь, она уже давно несчастна.

– Но ее письма, – после паузы сказала Ханна. – Она никогда и словом не обмолвилась.

– Нет. – Розалинда вздохнула. – Так глупо, что я не заметила этого раньше. Селия никогда ни на что не жаловалась: ни на скверную погоду Камберленда, ни на аббатство Кенлингтон, старый дом, продуваемый сквозняками, который ни капли не изменился со времен королевы Елизаветы. Ни на то, что приходится ухаживать за вредным стариком Лансборо. Я любила своего мужа, Ханна, но время от времени он меня раздражал. Я должна была заметить, что Селия никогда не жаловалась на Бертрама!

– Но это могло означать, что они чудесно подходят друг другу.

Однако в голосе Ханны ощущалось сомнение. Селия закрыла глаза. Она обманывала свою семью. Отправляла радостные письма, чтобы они думали, будто она счастлива, и чтобы скрыть, какой катастрофой обернулось ее замужество.

– Не тот случай. – Розалинда чуть повысила голос. – Я должна была понять, я же ее мать! Даже если Селия не могла заставить себя рассказать мне правду, я должна была почувствовать, что что-то не так.

– Вы слишком суровы к себе, Розалинда. Нам всем следовало приложить больше усилий, чтобы вернуть ее в Лондон. Полагаю, Лансборо бы не отказал, если бы Маркус настаивал. Нам стоило ее навестить. Мы все виноваты.

Селия стиснула руки, чтобы унять дрожь. Кто виноват, исступленно думала она. Берти? Она сама? Лорд Лансборо, удерживавший их в Камберленде, хотя было очевидно, что Берти никогда не будет там счастлив? Только не ее семья. Она отговаривала их от поездки и сделала все возможное, чтобы они думали, будто у нее все хорошо.

И за случившееся винить нужно только ее одну.

Аппетит пропал. Селия попятилась от двери в столовую и выскользнула из дома в сад. Наверное, нужно вернуться в Камберленд, угрюмо думала она, шагая среди только что распустившихся роз. Похоже, все, что ее ожидает в Лондоне – избегать собственную семью. Селия не понимала, чем они могут ей помочь. Но что еще печальнее, она не знала, как ей помочь самой себе. Она опустилась на скамью.

Долгие месяцы после смерти мужа Селия пыталась оценить свою жизнь. Ей всего двадцать два года, она не может провести остаток жизни в трауре и одиночестве. Но что ей делать? Когда приехала мама и объявила, что забирает дочь в Лондон, лорд Лансборо запротестовал. Он старик, и если она не вернется, он останется совсем один. Селия сочувствовала лорду, и какая-то ее часть цеплялась за уже ставшее привычным аббатство Кенлингтон. В конце концов, она прожила там четыре года и привыкла к местным спокойствию и тишине.

Лондон утратил свою притягательность. Селия боялась, что на нее обрушатся воспоминания о первом и единственном сезоне, когда Берти ворвался в ее жизнь с ежедневными букетами цветов и сонетами. Он ухаживал за ней так пылко, так преданно, так романтично. Прежде чем Селия успела сообразить, что происходит, он уже опустился на одно колено и умолял выйти за него. Ей потребовалось два года, чтобы понять – она никогда не любила Берти сильнее, чем в тот день, когда сказала «да». Ее ничуть не волновало, что они поженились

всего через два месяца после знакомства. Ей никогда не приходило в голову, что это достаточный срок для того, чтобы влюбиться, но совсем недостаточный, чтобы по-настоящему узнать человека. Глупо, но семья решила, что всю совместную жизнь они посвятят тому, чтобы узнать друг друга. Однако оказалось, что они с Берти друг друга не знали вообще.

Анализируя прошлое, Селия поняла, что веселый смех Берти обычно звучал лишь в толпе. Он не любил одиночества, и если и мог развлечься в компании одного человека, то этот человек должен был быть исключительно интересной личностью. Селия, как оказалось, была недостаточно интересной. Если Берти приходилось выбирать между спокойным вечером с женой и пьянством в местном пабе с кучей незнакомцев, он выбирал второе. Селия старалась быть хорошей женой, но не любила Берти так сильно, как казалось сначала.

Но это лишь ее вина. Никто не заставлял Селию выбирать Берти, а она просто старалась сделать как лучше. К сожалению, «как лучше» не получилось.

Требование лорда Лансборо жить в деревне в ожидании ребенка, сына и наследника только усугубило ситуацию. Может быть, в городе, думала Селия, в гуще разнообразных событий, им было бы легче удержаться на плаву. Оказавшись в круговороте светских развлечений, они могли бы не заметить, что не подходят друг другу, или не придали бы этому особого значения. Селия находила Берти скучным и подозревала, что она ему тоже неинтересна. Очень скоро стало очевидно, что ни о каком ребенке не может идти и речи, но лорд Лансборо настаивал на том, чтобы сын с невесткой остались жить с ним. Деньгами распоряжался он, поэтому им пришлось остаться.

Интересно, а лорд Лансборо знал настоящего Берти? Возможно, он думал, что, заставив сына жить в Кенлингтоне, сумеет охладить его любовь к светскому обществу и развлечениям? Он был очень недоволен отсутствием у Берти интереса к управлению поместьем, но Селия не могла не заметить, что сам лорд Лансборо слишком скрупулезно относился к этому вопросу. В тех редких случаях, когда Берти что-то делал, лорд Лансборо заставлял сына все переделывать. Справедливости ради нужно сказать, Берти имел основания думать, что отец в любом случае будет недоволен.

Сама Селия застряла где-то посредине. Она знала, что лорд Лансборо безжалостно донимает ее мужа требованиями произвести на свет наследника. Селия искренне надеялась, что именно эти требования, а не отсутствие

интереса к ней, были причиной, по которой Берти не желал ложиться с ней в постель. Селии очень нравилась эта составляющая супружеских обязанностей, но интерес к занятиям любовью ослабевал вместе с исчезновением нежных чувств к мужу. А уж после той интрижки в Йорке Берти больше ни разу не пришел к жене в спальню.

Она все еще сидела, погрузившись в размышления, когда подошла мать.

– Вот ты где! – воскликнула Розалинда, обняла Селию и прижалась щекой к щеке дочери. – Ты не пришла на завтрак, а Агнес сказала, что поднос в твою комнату тоже не относила. Тебе нездоровится?

– Нет, мама. – «Я всего лишь слегка удручена и подавлена». Селия вымученно улыбнулась. – Я все еще толком не пришла в себя после долгой дороги.

Голубые глаза матери внимательно изучали ее лицо.

– Ты должна есть, дорогая. Ты и так сильно похудела. Велеть кухарке испечь для тебя булочки с изюмом?

– Нет, мама.

– Хочешь лепешек? Пышек? Свежей клубники со сливками?

– Нет, мама, – повторила Селия.

Мать наморщила лоб, но тему решила не продолжать.

– А чем бы ты хотела сегодня заняться? Я послала за мадам Лешо, но может быть, ты предпочтешь погулять или сходить на Бонд-стрит? И тебе наверняка не терпится повидаться с подружками.

Селия вздохнула. Ничто из предложенного не казалось привлекательным.

– Не знаю, мама. Я просто наслаждаюсь садом. – Розалинда прикусила губу; этот жест всегда был признаком возникшего беспокойства. Селии стало стыдно из-за того, что она расстроила мать. – Может быть, днем прокатимся куда-нибудь? –

предложила она.

Розалинда тут же просияла.

– Да, конечно! – Она сжала руку дочери. – Я велю заложить карету часам к двум. – Мать помолчала в нерешительности. – Хочешь, чтобы я отослала мадам Лешо?

Селия вздохнула. Ей вовсе не хотелось ничего примерять, но новая одежда действительно необходима.

– Нет.

Облегчение Розалинды было буквально осязаемо.

– Я скажу ей, чтобы она не задерживала тебя слишком долго, – пообещала мать, снова ослепительно улыбнувшись. – Ты не должна переутомляться.

Селия криво улыбнулась. Как может переутомиться человек, который почти ничего не делает? Селия не могла понять, почему ее ничего не интересовало. Нужно заставлять себя что-то делать, тогда, возможно, появится интерес.

– Вернешься со мной в дом? Тебе нужно позавтракать. Может быть, хотя бы чашку чая? – Розалинда с надеждой посмотрела на дочь.

Селия глубоко вздохнула. Она действительно не хотела есть.

– Пока нет. Думаю, я еще немного посижу тут. Сад в Кенлингтоне далеко не так прекрасен. Я скучала по нашему саду.

Селия видела, что мать разочарована, но Розалинда лишь кивнула, еще раз ласково прикоснулась к щеке дочери и пошла обратно в дом.

Селия запрокинула голову, подставила лицо солнышку и закрыла глаза. А хорошо снова оказаться в Лондоне, подумала она; солнце в Камберленде в это время дня не такое теплое. И она на самом деле любит сад Эксетера. Селия вспомнила, как давным-давно играла с отцом в прятки у фонтана. Ее

воспоминания об отце были размытыми, он умер, когда ей было всего восемь. Отец не особенно стремился играть с детьми, лишь иногда бегал за дочерью вокруг фонтана. Селия скорее помнила ощущение от его присутствия, ту силу, заставлявшую слуг работать без промедлений и наполнявшую пространство вокруг него энергией. Очень похоже на Маркуса, только Селия не могла представить себе отца, катавшего на плечах ребенка, как делал вчера вечером брат.

Скрип гравия под чьими-то шагами прервал ее воспоминания.

Она открыла глаза и увидела Молли, как раз поворачивающуюся, чтобы тихонько уйти.

– Молли, – сказала Селия с искренним удовольствием. – Не уходи.

Девочка снова к ней повернулась.

– Я не хотела вам мешать, – произнесла она, показавшись Селии такой взрослой, что даже с трудом верилось. – Вы выглядели такой умиротворенной.

Селия улыбнулась.

– Я просто наслаждалась солнцем. Здесь, на юге, гораздо теплее.

Девочка подошла к ней.

– Правда? А на что похож Камберленд?

Селия скорчила гримасу и покачала головой.

– Там темнее и холоднее. Но по-своему красиво. – Она похлопала по скамейке. – Посиди со мной.

Молли села. В руках она держала этюдник, который поставила на землю.

– Я должна найти новые образцы для эскизов, – объяснила она. – Мне кажется, мистер Григгз знает все о каждом растении в мире.

– У тебя чудесные работы.

Молли вздохнула.

– Я бы предпочла верховую езду. Мистер Бичем приходит дважды в неделю и дает мне уроки. Он такой замечательный наездник! Может исполнять любые трюки, прямо как в цирке Астлея. Я просила маму, чтобы он стал приходить три раза в неделю, но она отказала. Я должна учиться французскому, а скоро еще и танцам.

Селия невольно улыбнулась, увидев, какую гримасу скорчила Молли.

– Танцы тебе понравятся.

– Может быть, – неохотно согласилась девочка. – Но только не французский.

Селии вдруг захотелось громко рассмеяться.

– Я помню, как ты любила ловить головастиков в пруду, – сказала она, поддавшись порыву. – Твои интересы меняются.

На лице Молли появилось виноватое выражение.

– Мне больше не разрешается ловить лягушек, – прошептала она. – Мама сказала, что юные леди не лазят в пруд! – Девочка грустно вздохнула. – Мальчикам, наверное, она разрешит.

– А тебе нравится быть старшей сестрой?

Молли опять скорчила гримасу.

– Мальчишки ужасно надоедливы. Эдвард, конечно, миленький, но Томас – это кошмар. Он все время удирает от няни и бегает за мной. Хватает все подряд.

Один раз пролил чернила на мой рисунок!

Селия слегка печально улыбнулась.

– Знаешь, я всегда хотела иметь сестру. Мне было немного одиноко вдвоем с мамой. И когда твоя мама вышла замуж за моего брата, я очень обрадовалась! Получилось, что у меня появились сразу две сестры: твоя мама и ты.

Молли застенчиво посмотрела на нее.

– Правда? Я вам не надоедала?

Селия покачала головой.

– Вовсе нет, ни капельки.

Девочка широко улыбнулась.

– Я так рада это слышать. – Она склонила голову набок и немного подумала. – Должно быть, с мальчишками все по-другому. Иногда я слышу, как ее светлость рассказывает маме про дядю Риза, и, похоже, он был даже хуже Томаса.

– Ну, моя мать познакомилась с Дэвидом, когда ему уже исполнилось десять, – сказала Селия. – Поэтому я уверена, что он причинял ей куда больше беспокойства, чем на данный момент способен Томас.

– Будет хуже? – Молли театрально вздохнула, и на этот раз Селия засмеялась. Совсем коротко, но до этого она вообще не смеялась долгие месяцы. Нужно проводить больше времени с Молли, решила она. Селия очень любила Молли, когда та была еще маленькой девочкой, а сейчас она, кажется, единственный человек в доме, кто не наблюдает за каждым движением Селии с тревогой или отчаянием.

– Прогуляемся до пруда? – спросила она, снова поддавшись порыву.

Лицо Молли просияло.

– Да, конечно!

– Может быть, сумеем поймать пару лягушек, – добавила Селия, хотя не имела ни малейшего представления о том, как это делается.

Молли насторожилась.

– Для… Томаса?

– Точно. Кто-нибудь должен научить его этому, чтобы однажды он принялся мучить своих гувернеров. – Селия улыбнулась, и Молли захихикала.

– Да, давайте! – Она затолкала этюдник подальше под скамью, и они вместе отправились к пруду.

– Дивные ноги.

– И рот прекрасный, такой красивый и мягкий.

– Хм-м. А как она в движении?

Вместо ответа Дэвид Риз поманил, и интересующая особа послушно подошла к нему. Наездник спрыгнул.

– Мистер Гамильтон хочет прокатиться, Саймон, – сказал Дэвид.

Молодой человек кивнул, передавая Энтони поводья для управления высокой гнедой кобылой.

– Ход плавный до невозможности, – произнес Дэвид.

Гамильтон устроился в седле. Лошадь стояла совершенно спокойно, пока он усаживался. Это была исключительно красивая кобыла, хороших кровей и отлично вымуштрованная. В конюшнях Дэвида были отличные кони, но молодой грум, мистер Бичем, превращал их в превосходных.

Вообще-то Энтони не собирался покупать лошадь, чтобы ездить на ней, но Дэвид поклялся, что это лучшая кобыла из всех, что вышли из его конюшен, что она кроткая, но при этом энергичная, изысканная до последней черточки, но крепкая, здоровая и совершенно не пуглива. Гамильтон повернул лошадь и обошел кругом небольшую площадку. Прекрасная поступь, и действительно очень плавная. По кивку Дэвида он направил кобылу на улицу, внимательно наблюдая за ней, но не находя никаких недостатков. Добравшись до парка, Энтони предоставил лошади полную свободу, и ее рысь вскоре перешла в легкий галоп, а потом и в быстрый. Она поворачивала при малейшем прикосновении и исполняла любую команду практически мгновенно.

Он вернулся обратно и спешился.

– Мистер Бичем, это отлично выдрессированное животное.

Во взгляде молодого человека вспыхнула гордость.

– Спасибо, сэр.

– Риз, ты меня все-таки победил. Она соответствует всему, что ты говорил, и я не могу не купить ее.

Дэвид ликующе улыбнулся. Он больше трех лет уговаривал друга купить у него лошадь.

– Превосходно. Я знал, что эта тебя покорит. Саймон, отведите ее домой, хорошо? А мы с мистером Гамильтоном обо всем договоримся.

– Да, сэр. – Мистер Бичем снова взял поводья, поглаживая кобылу по морде. А когда конюх запрыгнул в седло и ускакал, Энтони пригласил друга в дом.

– У тебя отличный старший конюх, – заметил он.

Дэвид ухмыльнулся.

– Это точно. Мне с ним чертовски повезло. А Вивиан хотела сделать из этого парнишки забойщика скота, представляешь?

Гамильтон вскинул бровь.

– Забойщика скота?

– Что-то в этом роде. Честная профессия, как она утверждала.

– Да он бы пропал забойщиком скота! Может, мне лучше забрать его у тебя?

Дэвид фыркнул.

– Ничего не выйдет. У него всего одна сестра, и я на ней уже женат. Он член моей семьи и старший конюх к тому же. Извини, старина.

Энтони хмыкнул и направился через холл в библиотеку. Он предпочитал работать в ней, а не устраивать себе кабинет в другом месте. Библиотека была большой светлой комнатой с высокими окнами между полками. Собственно, именно библиотека была главной причиной, по которой Гамильтон купил этот дом два года назад.

– Кофе? – предложил он гостю. Было раннее утро, слишком раннее для напитков покрепче.

– Спасибо.

Энтони позвонил, чтобы принесли кофе, и к тому времени, как слуга исполнил поручение, друзья уже договорились о цене за лошадь.

– Какое удовольствие наконец-то иметь с тобой дело, – сказал Дэвид, взяв свою чашку.

Гамильтон махнул рукой.

– Мне и самому приятно.

– Саймон приведет ее послезавтра. – Энтони кивнул и сделал глоток. – Это самое удачное время, – продолжал Дэвид. – Мы все скоро уедем в деревню, и мне бы не хотелось оставлять ее тут.

– Обратно в Блессинг-Хилл? – поинтересовался Энтони, вспомнив о ферме, где Дэвид разводил и растил лошадей.

Друг покачал головой.

– В Эйнсли-Парк.

– А. – Фамильное имение. – Славное время для поездки за город. Я собирался посмотреть новое железнодорожное предприятие в Дурхеме, но Пейс меня отговорил.

– Так приезжай в Кент.

Гамильтон откинулся на спинку стула.

– Чего ради?

– Мачеха устраивает загородный домашний прием.

– Сомневаюсь, что она будет мне рада. – Энтони криво усмехнулся. – Но за приглашение спасибо.

– Но это прием в честь Селии, – возразил Дэвид. – Точнее, чтобы подбодрить ее. Видишь ли, она вернулась в город, но мы ее еле узнали. – Гамильтон замер с чашкой в руке. – Бертрам оказался отвратительным мужем. Впрочем, я совсем не удивлен.

– Они же были лучшей парой сезона, – пробормотал Энтони, глядя в свою чашку. – Брак по любви. И она казалась такой счастливой.

– Не думаю, что счастье продлилось долго, и не сомневаюсь, что этому ничтожеству быстро наскучил Камберленд. Вряд ли можно его за это винить, но я никогда не видел свою сестру такой молчаливой. Это неестественно. – Дэвид

встал. – Она чертовски несчастна, поэтому Розалинда пригласила нескольких ее подруг на месяц в Эйнсли. Она очень хочет, чтобы Селия снова стала веселой.

– А ты боишься, что подругам не удастся ее подбодрить?

– Ты ей всегда нравился, – ответил Дэвид. – Я уверен, что Селия будет куда больше рада увидеть тебя, чем дюжину сплетничающих и вездесущих женщин. Они будут докучать бедняжке, желая узнать все чертовы подробности о том, почему из Бертрама не получилось хорошего мужа. Очень сомневаюсь, что ей это чем-то поможет.

– Мне не хотелось бы нарушать траур леди Бертрам, – возразил Гамильтон. Последнее, что он желал бы увидеть, – печальная и горюющая Селия, ставшая уязвимой, Селия, сердце которой разбито из-за смерти мужа.

– Кто-то должен, – откровенно сказал Дэвид. – Она находилась в трауре больше года. И если ее не вытащить оттуда как можно скорее, то Селия просто задохнется в этой скорби.

Энтони засомневался.

– У меня даже приглашения нет.

Кофе давно остыл. Гамильтон осторожно поставил чашку на письменный стол.

– Черта с два нет, – заявил Дэвид. – Я дал тебе его минуту назад. Собственно, считай это моей личной просьбой. Я просто с ума сойду без дружеского плеча рядом. – Энтони оскорбленно посмотрел на него. Дэвид захохотал. – Завтра получишь. Но имей в виду, после того как я уговорю Ханну послать тебе приглашение, ты обязан поклясться, что приедешь.

– Я подумаю, – ответил Гамильтон, избегая прямого ответа.

– Считай это обязательным к выполнению. Ради старого друга. – И он вышел, не дожидаясь ответа.

Энтони сделал глубокий вдох. Нет, ему ни в коем случае нельзя туда ехать. У него есть дела, требующие внимания, а поездка в Кент на один день ровным счетом ничего не даст. Уже не говоря про целый месяц. Леди Бертрам вряд ли захочет его увидеть, если она так сильно расстроена, как говорит Дэвид. Риз всегда несколько бесцеремонно обращался с правдой и был склонен к преувеличению, если ему это было выгодно. Любая недавно овдовевшая девушка будет молчалива и подавлена. А вдовствующая герцогиня скорее предпочтет увидеть на своем домашнем приеме дикаря из Америки, чем Энтони Гамильтона, незаконнорожденного наследника графа Линли.

Нет, ему точно не следует ехать.

Но приглашение принесли в тот же день. Его доставил лакей Эксетера в безупречной ливрее. Гамильтон уставился на аккуратные строчки, выведенные почерком герцогини. Безусловно, нужно воздержаться от поездки. К несчастью, слова Дэвида по-прежнему не выходили из головы. Он назвал Бертрама отвратительным мужем.

Селия скорбит уже целый год. Неужели действительно год? Он вспомнил, как услышал новость о смерти Бертрама. Разумеется, его имя привлекло внимание Энтони. Он внимательно прислушивался к каждому слову о вдове покойного. Здорова ли она? Не заразилась ли болезнью, от которой умер Бертрам? Никто ничего подобного не говорил, но Гамильтон продолжал размышлять. Шанс получить ответы на интересующие вопросы лежал перед ним на столе. Провести месяц в Кенте, чтобы подбодрить Селию и помочь ей преодолеть скорбь.

Энтони встал из-за стола и подошел к окну. Нет никаких серьезных оснований, чтобы даже просто задуматься об этом. Всего лишь странное увлечение, мимолетная прихоть – вот что заставило его тогда решиться на ухаживания за Селией Риз. А когда удалось справиться с постигшим разочарованием, то сразу стало ясно, что удача не подвела, лишив его возможности за ней ухаживать и последующей необходимости жениться. Его финансовое положение за тот год здорово ухудшилось, и он остался на плаву только благодаря нескольким займам и умению яростно торговаться. На следующий год дела на корнуолльских оловянных рудниках резко пошли в гору, и Гамильтон почти весь год провел в Корнуолле, где жил в шахтерском городке среди огромных ям. Энтони стал относительно состоятельным, но что еще важнее, у него появилось очень много дел. Будучи женатым, он бы никогда не смог добиться таких результатов, в особенности если бы его женой стала Селия.

Конечно, будь у него жена, жена вроде Селии, он бы не оказался на грани банкротства и смог бы нанять в Корнуолле человека для защиты собственных интересов. Энтони бессознательно сжал кулак и уперся им в подоконник, думая о том, как могла бы сложиться его судьба, женись он на Селии четыре года назад.

Гамильтон медленно выдохнул. Он настоящий болван, да еще и сентиментальный, раз стоит тут и тоскует о женщине, которую не видел четыре года и которая, возможно, его даже не вспомнит. А ведь он испытывал к ней совсем не любовь, а просто симпатию, приправленную похотью. Паршивенькая основа для возобновления знакомства.

Нет, он точно не поедет в Кент.

Глава 6

Следующие две недели прошли для Селии как в тумане. Мать внезапно объявила, что устраивает в Эйнсли-Парке продолжительный загородный прием. Ханна так быстро поддержала этот план, что Селия предположила – они задумали это вместе специально для нее. А когда и Маркус его одобрил, она только убедилась в обоснованности своих подозрений. Селия понимала, что намерения у них самые добрые, поэтому не стала возражать и даже согласилась участвовать в подготовке. Хотя она только что приехала в Лондон, оказалось, что у нее уже множество дел перед отъездом за город.

Пренебрегая обещанием не переутомлять дочь, Розалинда не смогла удержаться и заказала для Селии полностью новый гардероб. Должно быть, она заплатила мадам Лешо огромную сумму, потому что от портнихи ежедневно, а то и дважды в день прибывали гигантские коробки. Яркие расцветки казались Селии странными и неуместными, ведь она уже привыкла к черному цвету. С некоторой тревогой Селия сняла траур. Он стал для нее своеобразным щитом, и, отказавшись от него, она почувствовала себя беспомощной.

Селия ознакомилась со списком гостей, приглашенных матерью на домашний прием, когда ей начали приходить письма. Старые друзья, люди, которых она

толком даже не помнила, и те, о ком ничего не слышала много лет, присылали ей письма, поздравляя с возвращением в город и выражая соболезнования по поводу смерти мужа. Но только письмо от Джейн Перси по-настоящему обрадовало ее. Несмотря на данную самой себе клятву как можно больше времени проводить с семьей, Селия по-прежнему не чувствовала себя свободно в окружении родных и часто замечала обеспокоенный взгляд матери. Она много времени проводила с Молли не только для того, чтобы избежать обсуждения грандиозных планов матери, но и ради собственного удовольствия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/linden_kerolayn/pravila-soblazna

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити